

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ТРАДИЦИИ

Бейсенова Ж.С., Дрыгина Ю.А.,
Иванова Н.К., Лякина Е.В., Меркулова Н.Е.,
Муртазина Д.А., Подрез В.И.

МОНОГРАФИЯ

www.scipro.ru

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

Литературоведение и языкознание:
современные трансформации и традиции

Монография

www.scipro.ru
Нижний Новгород, 2018

УДК 81
ББК 81
Л64

Рецензенты:

Недбайлик Сабина Рудольфовна, кандидат филологических наук,
Доцент, Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)

Авторы:

Бейсенова Ж.С., Дрыгина Ю.А., Иванова Н.К., Лякина Е.В., Меркулова Н.Е.,
Муртазина Д.А., Подрез В.И.

Литературоведение и языкознание: современные трансформации и традиции
[Электронный ресурс]: монография. – Эл. изд. - Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 106
с.). - Нижний Новгород: НОО "Профессиональная наука", 2018. – Режим доступа:
<http://scipro.ru/conf/monographlanguages2.pdf>Сист. требования: Adobe Reader; экран 10".

ISBN 978-5-907072-50-3

Монография посвящена исследованиям процессов современного мира, происходящих в
культурно-лингвистическом пространстве в контексте глобализации

Материалы монографии будут полезны преподавателям, научным работникам,
специалистам предприятий, образовательных учреждений, а также студентам, магистрантам и
аспирантам.

При верстке электронной книги использованы материалы с ресурсов: Designed by Freepik

© Авторский коллектив, 2018 г.

ISBN 978-5-907072-50-3

© Издательство НОО Профессиональная
наука, 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	5
Глава 1. Возможности использования компаративного анализа при изучении второго иностранного языка.....	8
Глава 2. Метафоризация строительной лексики в английском и русском языках.....	21
Глава 3. Лексические переводческие трансформации при переводе научной фантастики	34
Глава 4. Мир представлений современной терминографии: сопоставительно-мотивологический аспект	59
Глава 5. Глобальный английский в современном мире: возвращение к прошлому?.....	72
<i>Заключение</i>	90
<i>Библиографический список</i>	91
<i>Сведения об авторах</i>	103

Введение

Язык является важнейшим средством коммуникации в обществе и тесно связан с мышлением и сознанием. Языкознание входит в качестве одной из центральных наук в круг гуманитарных научных дисциплин, исследующих человека и человеческое общество. Многообразие лингвистических направлений, новые оригинальные подходы к анализу языка обусловили появление новых лингвистических парадигм, основанных на антропоцентризме, панлингвизме, междисциплинарном осмыслении языковых явлений, переходе от фактического знания к глубинному.

Монография состоит из 5-ти глав.

В первой главе «Возможности использования компаративного анализа при изучении второго иностранного языка» рассматриваются возможности использования первого иностранного языка как посредника при изучении второго иностранного языка. Анализируются возможности применения компаративного анализа к лингвистически неродственным языкам, приводятся примеры возможных методических сравнений и сопоставлений.

Во второй главе «Метафоризация строительной лексики в английском и русском языках» рассматривается метафоризация строительной лексики в английском и русском языках с точки зрения семантико-когнитивного подхода и в русле классической теории концептуальной метафоры; приводятся результаты сопоставительного типологического анализа и систематизации концептосфер английского и русского языков, представленных метафорически переосмысленной строительной лексикой с выявлением направлений регулярных метафорических переносов и базовых метафорических моделей, существующих в когнитивном сознании носителей английского и русского языков.

В третьей главе «Лексические переводческие трансформации при переводе научной фантастики» рассматриваются языковые особенности научно-фантастической литературы, а также основные переводческие лексические приемы, которые были использованы переводчиком при передаче на русский язык научно-фантастического романа американского писателя Э. Вейера «Марсианин». Среди них транскрипция, транслитерация, калькирование, конкретизация, генерализация, добавление, опущение.

В четвертой главе «Мир представлений современной терминологии: сопоставительно-мотивологический аспект» рассматривается прикладное значение мотивационных связей в терминологии, раскрывается их сходство и различие в разнотерминовых языках. Объектом исследования является специальная лексика. Актуализируется изучение мотивации специальных слов и понятий посредством систематизации мотивологического словаря на основе мотивов терминов. В качестве основного инструмента построения двуязычного мотивологического словаря является методика мотивологической деятельности, что позволяет рассуждать об особенностях функционирования языкового сознания исследователя и способах образования слов-терминов.

В пятой главе «Глобальный английский в современном мире: возвращение к прошлому?» рассматриваются и обсуждаются актуальные проблемы описания современных характеристик английского языка в качестве международного средства общения в условиях многочисленных контактов с другими языками, обусловленными процессами глобализации. Кратко приводятся сведения о сложной лингвистической истории английского языка, и в диахроническом ракурсе описывается роль языка в процессе глобализации. На основе англоязычных словарных материалов проводится изучение новых номинаций, отражающих особенности английского языка как международного. Они свидетельствуют об активном поиске английскими новыми лексическими единицами, которые отражали бы, с одной стороны, его упрощение под воздействием других языков, а с другой, указывали бы на элементы креолизации и самого английского языка, и языков, с которыми он находится в контакте. Делается вывод о том, что через неологизмы передается ряд новых понятий, отражающих динамические изменения в английском языке, сходные с изменениями под влиянием других языков в его прошлом.

Авторский коллектив:

Лякина Е.В. (Глава 1. Возможности использования компаративного анализа при изучении второго иностранного языка)

Муртазина Д.А. (Глава 2. Метафоризация строительной лексики в английском и русском языках)

Дрыгина Ю.А., Подрез В.И. (Глава 3. Лексические переводческие трансформации при переводе научной фантастики)

Бейсенова Ж.С. (Глава 4. Мир представлений современной терминологии: сопоставительно-мотивологический аспект)

Иванова Н.К., Меркулова Н.Е. (Глава 5. Глобальный английский в современном мире: возвращение к прошлому?)

Глава 1. Возможности использования компаративного анализа при изучении второго иностранного языка

Влияет ли знание одного языка на усвоение другого? Устойчивые обороты одного языка иногда включаются в высказывания на другом языке. Взаимовлияние может также происходить и на грамматическом, фонологическом, орфографическом, морфологическом уровнях. В связи с этим лингвисты и преподаватели давно задаются вопросом: возможно ли изучать один язык посредством сравнения и сопоставления с другим языком.¹

Многие отечественные языковеды занимались проблемой взаимного влияния языков. Среди них можно выделить таких ученых как: Л.В. Щерба, Ш.А.Амонашвили, В.И.Богородицкая, И.Б.Ворожцова, Н.Д.Гальскова, И.И.Китросская, Б.А.Лapidус.

По нашему мнению на сегодняшний день не разработана единая система обучения нескольким языкам, следовательно, этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. В этом и заключается актуальность настоящей работы.

Современное общество с его высокими информационными технологиями, ускоряющимся с каждым днем темпом жизни требует подготовки высококвалифицированного компетентного конкурентоспособного специалиста. В связи с этим возрастают требования к качеству подготовки выпускников Вузов. Уже недостаточно владеть одним иностранным языком. Знание одного только европейского языка уже не является преимуществом в сфере иностранных языков.

В связи с этим возникает потребность в изучении разных зачастую неродственных друг другу языков.

Нашей целью является возможность выявления сходств между неродственными языковыми системами и эффективность реализации использования сопоставлений при обучении второму иностранному языку.

При подготовке данного исследования применялись общенаучные методы теоретического исследования: анализ и систематизация лингвистической, педагогической, и методической литературы по проблематике исследования;

¹ Колкер, Я.М., Устинова, Е.С., Еналиева, Т.М. Практическая методика обучения иностранному языку [Текст] / Я.М. Колкер, Е.С. Устинова, Т.М. Еналиева. - М.: Академия, 2000. - с. 15

- эмпирические методы: анкетирование учащихся на начальном этапе обучения второму иностранному.

Любой иностранный язык имеет свои особенности и принципы изучения. И основные трудности подстерегают желающих выучить любой иностранный язык именно на начальном этапе обучения, когда необходимо погружение в среду того или иного языка². И в ситуациях, когда первый и второй языки принадлежат к разным языковым группам учащимся крайне сложно осваивать второй язык, так как они теряют «точку опоры», им совершенно не на что опереться и не с чем провести параллели.

Современные реалии предъявляют высокие требования к качеству образования, но вместе с тем количество аудиторных часов, отводимых на изучение второго языка, сокращается. Все это приводит к необходимости оптимизации и интенсификации образовательного процесса.³

В данном исследовании мы попытаемся осветить возможности использования знаний, умений и навыков, приобретенных студентами при овладении первым иностранным языком применительно к языку совершенно иной языковой группы, то есть иными словами мы проанализируем возможности использования языка-посредника как средства интенсификации изучения второго иностранного языка. Под языком – посредником мы понимаем язык, который не является родным для обучаемого и отличен от языка, изучающего в настоящий момент и служащим средством коммуникации между преподавателем и учащимся.

В качестве языковой пары для исследования нами будет рассмотрен английский и японский языки.

В данном исследовании английский язык будет рассматриваться как языковой посредник, то есть как канал передачи информации. При данном подходе создается модель близкая к так называемому «билингвальному обучению».

Билингвальный тип обучения - один из подходов к обучению иностранным языкам, при котором в качестве предмета обучения выделяется перестройка речевых механизмов человека и создание механизма переключения с одного языка на другой. Смысл билингвального образования в одновременном обучении в рамках одной концепции параллельное обучение двум

² Бим, И.Л. Концепция обучения второму иностранному языку: учебное пособие. –Обнинск: Титул, 2001. с. 105

³ Следников, Б.П., Антоновская, Н.В. К вопросу об оптимизации обучения второму иностранному языку на факультетах иностранных языков [Текст] / Б.П. Следников, Н.В. Антоновская // Иностранные языки в высшей школе. - Вып. 1. — Рязань, 2004. - С. 61-65

разным языкам . При таком обучении язык рассматривается, прежде всего, как инструмент приобщения к миру специальных знаний, и содержание обучения характеризуется совмещением предметного и языкового компонентов во всех звеньях учебно-воспитательного процесса.

В настоящее время в разных странах накоплен определенный опыт билингвального образования. Это имеет место в регионах с естественной двуязычной средой (например, в Канаде, Бельгии, Швейцарии и др.), а также в государствах, где происходит приток иммигрантов, вынужденных вживаться в чужую культуру (например, в США, Германии и др.). Имеется опыт создания билингвальных школ на основе билингвального обучения и в ряде городов нашей страны (например, в Новгороде на базе университета разработан образовательный комплекс непрерывного билингвального обучения начиная с детского сада; при Оренбургском государственном университете сформирован Единый образовательный округ.

Если ИЯ1 выступает в качестве языка-посредника на занятиях по ИЯ2 то изученный ранее язык выступает в учебном процессе и как объект обучения, и как средство. Это мотивирует учащихся к изучению языка как к процессу, результаты которого они могут непосредственно применять в других видах учебной деятельности. Таким образом, создается как бы дополнительный стимул для овладения языком: знания, полученные на занятиях по иностранному языку, реализуются в общении в рамках других предметов, а ощущение нехватки знаний или недостатка умений стимулирует интерес к занятиям по языку

На сегодняшний день количество учащихся, изучающих японский язык в высших учебных заведениях России с каждым годом растет и ,неудивительно, что в методике преподавания иностранных языков возрастает интерес к проблемам преподавания японского языка.

В качестве второго языка как объекта исследования мы выбрали японский неслучайно. По мнению многих лингвистов, японский язык не имеет четко прослеживающихся связей ни с одним из мировых языков.

Безусловно, что целью обучения любому иностранному языку является овладение коммуникацией на языке, а для этого необходимо осознанное владение языковой структурой как средством коммуникации. В этих условиях возникает необходимость накопления языкового опыта первого языка, что может послужить базой для изучения второго иностранного языка.

Процесс изучения любого иностранного языка это сложный процесс, включающий в себя множество явлений и логических операций. Например: анализ, сравнение и обобщение неотъемлемы при изучении языка. И как

правило анализ и сравнение языковых явлений неосознанно происходит у обучаемых в ходе познавательного процесса. И здесь необходимо отметить, что неумение использовать языковой опыт первого языка осложняет процесс овладения вторым и даже делает его серьезным препятствием, в особенности если второй язык не похож на ранее изучавшийся студентом. Данное обстоятельство ведет к психологическому дискомфорту и может повлечь за собой снижение мотивации, вплоть до отторжения культуры страны и изучаемого языка.⁴

Целесообразно считать, что любой язык является главным образом средством коммуникации. Следовательно, при более тщательном анализе и сравнении даже лингвистически далеких языков можно обнаружить некоторые сходства. При этом необходимо иметь ввиду следующие факторы:

1. Учащимся необходимо видеть сходства и отличия в системе языка, то есть видеть аналогичность выражения языковых значений во втором иностранном языке с языком-посредником.

2. Параллели и аналогии, которые проводятся на занятиях ни в коей мере не претендуют на научность и дидактичность. Они лишь на практике облегчают учащимся овладение языком. Сопоставления и сравнения преподносятся учащимся в форме простых и доступных терминов и служат моделями для упрощенного понимания того или иного языкового явления.

3. На начальном этапе обучения языку необходимо обращать внимание на сравнение межъязыковых явлений, что позволит учащимся глубже погрузиться в изучаемый язык.

С целью убедиться в возможности использования английского как языка проводника на начальном этапе обучения японскому, было проведено анкетирование студентов изучающих японский язык (всего 110 человек).

Целью анкетирования было выяснить сравнивают ли учащиеся первый и второй иностранные языки, и если да, то наблюдают ли сходство в языковой паре английский-японский. Все респонденты на момент анкетирования находились на начальном уровне изучения японского языка. (1 год обучения). Для всех обучающихся английский- первый иностранный язык. Учащимся предлагалось ответить на следующие вопросы:

Анкета для студентов

⁴ Canale, M., Swain, M. Theoretical bases of communicative approach to second language teaching and testing // Applied Linguistics, 1980, Vol. 1. Pp. 5.

<p>1. Вы изучаете японский язык в качестве:</p> <ul style="list-style-type: none">а) основной специальности (первый иностранный язык)б) дополнительной специальности (второй иностранный язык)в) курса по выбору (третий и другой иностранный язык)г) другие
<p>2. Как долго Вы изучаете японский язык?</p> <p>3. Какие другие иностранные языки Вы изучали (изучаете)?</p> <p>4. Находите ли Вы, что английский и японский языки – совершенно разные или же имеют что-то общее? Что именно?</p> <ul style="list-style-type: none">а) на фонетическом уровнеб) на лексическом уровнев) на грамматическом уровнег) другое <p>5. А русский и японский?</p> <ul style="list-style-type: none">а) в плане фонетикиб) в плане лексикив) в плане грамматикиг) другое <p>6. А другие известные Вам иностранные языки и японский?</p> <p>7. Какие языковые явления, характерные только для японского языка, Вы обнаруживаете?</p> <p>8. Проводятся ли (проводились ли когда-нибудь) подобные межъязыковые сравнения на Ваших занятиях по японскому языку? Если да, то как часто и кто их инициирует – сам преподаватель или студенты, с помощью вопросов?</p> <p>9. Облегчит ли изучение японского языка использование на занятиях английского языка?</p>

Анкета носит справочный характер, она нацелена на то чтобы выяснить у обучающихся сравнивают ли они первый и второй иностранные языки. Отчасти вышеупомянутый опросник помогает учащимся взглянуть на изучение второго иностранного языка под новым углом – углом сопоставления языковых явлений двух языков.

В целом это крайне необходимо при изучении языков уметь сравнивать языковые системы, вычленять общее и видеть разницу. Именно поэтому на филологических специальностях много времени отводится на изучение разных языковых дисциплин. Все это помогает видеть язык не как разрозненную вещь, а как целостную систему, функционирующую по своим правилам и законам.⁵

Вопросы о схожести языковых систем должны инициировать процесс сравнения у обучающихся. Хотя, по нашему мнению, такие сравнения в любом случае происходят на имплицитном уровне. Однако крайне важно, чтобы такие сравнения не оставались только на теоретическом уровне, а применялись на практике и помогали в изучении второго иностранного языка.

Главная цель при использовании одного языка для изучения другого это обобщение знания и имплементаций умений по языку, изучавшемуся ранее.

Ввиду вышесказанного нам представляется, что проведение подобных межъязыковых сравнений и обучение им особенно важно на начальной ступени изучения языка, когда происходит знакомство с языком, формируются навыки работы с ним. Поэтому анализ результатов анкетирования мы ограничим начальным уровнем японского языка, сузив его также до грамматического уровня как наиболее отличного от европейских языков и поэтому вызывающего наибольшие трудности у учащихся.

Рассмотрим результаты анкетирования в таблице 1.1.

⁵ Нечаева, Л.Т. Японский язык для начинающих [Текст]: учеб. пособие. В 2-х книгах / Л.Т. Нечаева. - М.: Московский Лицей, 2006. с. 15

Таблица 1.1

Сходства, наблюдаемые студентами

	Японский и английский языки
Не наблюдаю сходства	Студ.: 21.
Наблюдаю сходство	Студ.: 90.
В чем наблюдаются сходства	<ul style="list-style-type: none">– фиксированный порядок слов;– отсутствие грамматического рода;– использование глаголов-связок;– выражение отношений между членами предложения с помощью служебных частей речи;– порядок слов «определяющее + определяемое»;– соответствие залоговых форм– различные способы выражения вежливости и модальности;– при переводе с японского языка легче осуществлять перевод на английский, чем на русский

Основываясь на полученных результатах, проанализируем несколько явлений, отмеченных опрошенными как схожие в парах языков и «ИЯ2 (японский) – ИЯ1 (английский)».

В данном разделе мы проанализируем явления, которые были отмечены учащимися как сходные в английском и японском языках. Мы проанализируем такие явления как: фиксированный порядок слов, глаголы-связки, падежные частицы и длительный вид в японском языке. Данные языковые явления зачастую представляют трудности у русскоговорящих студентов. Причина здесь очевидна; эти явления нехарактерны для русского языка или имеют отличные от японского и английского формы выражения.⁶

Порядок слов

В английском и японском языке порядок слов фиксированный. Но тем не менее выражается различными схемами. Если английский порядок слов можно выразить схемой SVO (subject – verb – object), то в японском предложении общепринятым порядком слов является SOV (subject – object – verb)

Tom reads a book. – トムは本を読みます

⁶ Пассов, Е. И. Программа - концепция коммуникативного иноязычного образования [Текст] / Е.И. Пассов. - М.: Просвещение, 2000. - 173с.

S V O S O V

Основная разница заключается в том, что в английском предложении порядок слов жестко фиксирован, в японском не так. Главным правилом построения японского предложения является – конечная позиция глагола в предложении. Кроме того, подлежащее занимает, как правило, начальную позицию в предложении, а подчиненный член предложения предшествует определяемому. Исходя из этого, некоторые русские исследователи говорят о наличии твердого порядка слов в японском .

Глаголы-связки (структура は—です)

Как известно, в русском языке использование глаголов-связок нераспространено, в связи с этим на начальном этапе изучения японского учащиеся испытывают затруднения со структурой は—です . Однако если провести параллель с использованием английского глагола «to be», это может облегчить учащимся понимание данной структуры и снизить количество ошибок.

Падежные частицы

Также можно провести параллели между способами выражения падежных отношений в предложении. Если в английском языке падежные отношения выражаются предлогами, то в японском они же выражаются частицами - служебные слова, присоединяющиеся к основам тех слов, падеж которых они выражают. Сравним два предложения:

a. She came by train b. 彼女は電車で来ました

При анализе данных предложений можно заметить, что предлоги и частицы функционально едины, но различаются тем, что занимают разные позиции. Если английский предлог стоит перед определяемым словом, то есть в препозиции, то японская частица стоит после – в постпозиции. Можно сделать вывод, что падежные отношения в английском и японском предложении выражаются сходно.

Длительный вид (—ている)

Форма ている в японском языке сходна по значению с формой continuous в английском и указывает на длительность действия. Обратимся к примерам:

It is snowing. - 雪が降っています

Указательные местоимения

При введении указательных местоимений целесообразно сравнение с английскими this\that , так как японские указательные местоимения сходны как по значению так и по употреблению.

Следует отметить, что конечно у данных форм есть и другие значения, но в аспекте длительности они схожи, на что необходимо обращать внимания в ходе знакомства с данной структурой.

Итак, мы проанализировали некоторые из сходных грамматических явлений, и здесь, безусловно, стоит упомянуть о существенных различиях грамматического строя двух языков.

Как мы уже рассмотрели выше и в английском и в японском языке временная форма и залог выражаются через изменения глагола. Но существенная разница заключается в том, что отсутствуют вспомогательные глаголы и, к примеру, отрицание и временная форма будут выражаться через глагол. Это является одной из причин затруднительного синхронного перевода с японского. Как мы знаем, глагол занимает конечную позицию в предложении и выражает и временную форму и залог.

Также в японском отсутствует окончание *-s* в третьем лице единственного числа.

Следует отметить отсутствие в японском артиклей, нет различия между исчисляемыми и неисчисляемыми существительными, отсутствие как таковой грамматической категории числа, два класса прилагательных, отличия в системе местоимений, к примеру, отсутствие притяжательных местоимений. В японском выражения притяжания будут состоять из местоимения «я» 私 и частицы の.

И следует отметить некоторые грамматические явления, нехарактерные ни для одного из языков:

- вариативность форм вежливости;
- гендерные различия в языке;
- счетные суффиксы;
- склонность к употреблению косвенных выражений просьбы

Резюмируя все вышесказанное можно прийти к выводу, что использование первого иностранного языка может служить базой при изучении второго, даже совершенно неродственного и лингвистически непохожего языка. И здесь необходимо отметить тот факт, что использование первого иностранного языка гораздо эффективнее при изучении второго иностранного языка нежели родной язык. Дело в том, что родной язык усваивается детьми в тот момент, когда их когнитивные функции не сформированы, то есть их мозг не декодирует познание языка как мыслительную деятельность, для них это естественная форма познания. А вот изучение иностранного языка уже мыслительная деятельность, требующая огромных когнитивных

затрат.⁷ Мы изучаем первый иностранный язык как незнакомую нам систему и впоследствии нам гораздо легче сравнить эту систему с новой, чем с той, которая для нас естественна.

Язык как средство коммуникации и целостная система всегда имеет какие-то сходные явления. Использование одного языка при изучении другого облегчает процесс изучения нового языка, закрепляет знания и умения на первом иностранном языке, иными словами делает процесс обучения более интенсивным, так как за единицу времени учащиеся используют больше знаний и умений при оперировании двумя языками. По словам самих учащихся, использование английского при изучении японского существенно облегчает процесс обучения японскому, так как сравнение с английским позволяет быстрее и легче осваивать грамматику, и в тоже время идет двусторонний процесс, так как происходит и влияние и на первый язык.

Естественно, только с помощью компаративного анализа невозможно преодолеть все трудности, связанные с начальным этапом изучения языка, но можно существенно облегчить процесс освоения нового языка.

Взаимовлияние двух языков не всегда ограничивается положительным переносом. Может возникнуть и такое явление как языковая интерференция.

В данной статье мы исследовали только факторы положительного переноса с родного или первого иностранного языка на второй иностранный – редкий язык, но вполне вероятно, что такой анализ может быть применен и при профилактике интерференции, возникающей при обучении как первому, так и второму иностранным языкам, что существенно сократит количество ошибок.

Тот факт, что термин «интерференция» был заимствован методикой обучения иностранным языкам из психологии, показывает, что изучение языка есть, по сути, психологический процесс, при котором одно из явлений, усвоенных ранее («старое явление», т.е. лингвистический феномен, усвоенный ранее) находится в некотором отношении к формированию «нового явления» ввиду их схожести. При максимальном тождестве новое явление воспринимается как знакомое, и актуализируемое старое явление способствует «переносу», позволяющему опираться на уже известное, делая процесс обучения более экономным и психологически комфортным. В случае частичного тождества, при котором формирование «нового явления» является источником некоторого психологического дискомфорта, т.к. пути

⁷ Albert, M. L., Obler, L. K. The bilingual brain: Neuropsychological and neurolinguistic aspects of bilingualism. New York: Academic Press, 1978. P.171

формирования в силу частичной несхожести требуют коррекции и отхода от уже проторенных путей, мы имеем дело с «интерференцией», которая проявляется либо как «ассоциативное торможение» (если старый навык проявляется во время перестройки), либо как «репродуктивное торможение» (при проявлении старого навыка после овладения новым) .

Сложный процесс интерференции подвергается в методической литературе разнообразным классификациям, представляющим интерес и для методики преподавания ИЯ2. Различают интерференцию внутри- и межъязыковую, прямую и косвенную, явную и скрытую, перцептивную и продуктивную, а также отрицательную и положительную (последнюю также рассматривают под термином «положительный перенос»)

Таким образом, большинство авторов под «интерференцией» подразумевает нежелательное и ошибочное смешение языков в процессе овладения и использования, в то время как под «переносом» (или «положительным переносом») имеют ввиду совпадение норм обоих языков, зачастую неосознаваемое говорящим. ⁸

Более того, мы предполагаем, что, чем ближе данные языки по своему строю, тем больше интерференция между этими языками (если иметь ввиду профессиональное изучение языков, особенно в плане репродукции). Об этом свидетельствует уже упомянутый ранее психологический закон смежности; кроме того, опыт многих студентов, изучающих, например, английский язык как первый иностранный и немецкий как второй, указывает на частотность ошибок в правописании соответствий в обоих языках (англ. here и нем. hier), в употреблении грамматических явлений (наличие или отсутствие артикля в структурах типа: англ. I am a teacher, нем. Ich bin Lehrer), в порядке слов (англ. Ask him if he is home tonight, нем. Frage ihn, ob er heute Abend zu Hause ist). Э.Робинсон сформулировали гипотезу, согласно которой интерференция проявляется максимально там, где присутствует определенная степень сходства между языками.

В то же время, что касается неродственных языков, исследования показывают, что в этом случае интерференция заметно ниже. Следовательно, распространенное мнение о том, что «близкие языки легче учить» оказывается верным лишь частично, в основном для рецептивного усвоения, и, напротив, значительные расхождения между языками могут предупреждать интерференцию: «Чем меньше типологическое расстояние между родным и изучаемым языками, то есть чем больше степень их сходства и меньше различие, тем больше вероятность появления интерференции. Если это

⁸ Очакова, С.В. Обучение на билингвальной основе как компонент углубленного языкового образования [Текст] /С.В. Очакова // Иностранные языки в школе. - 2003. - №2. - С. 12

расстояние велико, то есть языки генетически не родственны, то случаев автоматического переноса, а, следовательно, и ошибок, будет меньше». Мы предполагаем, что это обстоятельство позволяет с успехом рассматривать английский язык, наряду с родным языком (русским), в качестве средства обучения японскому как второму иностранному.

Подводя итог вышесказанному о взаимовлиянии языков как понятию, объединяющем и интерференцию, и положительный перенос, отметим проведенное нами расширение данного термина и возможность его рассмотрения в планах:

языковых особенностей (лингвистическая интерференция / лингвистический перенос);

выработки навыков и умений (учебная, или методическая интерференция / учебный, или методический перенос);

- осуществления общения на языке (коммуникативная интерференция / коммуникативный перенос);

психологических и нейропсихологических особенностей (нейропсихологическая интерференция / нейропсихологический перенос).

Однако, нередко случаи комбинаторного взаимодействия языков, где положительный перенос в одном плане осложняется интерференцией в другом. Так, на уровне навыков часто наблюдается «американизированный» акцент в японском языке у студентов, владеющих английским как ИЯ1; злоупотребление местоимениями 2го или 3го лица, которые в японском языке используются достаточно редко; неоправданное использование заимствований из английского или расширение их значения в случаях, когда имеется исконно японский аналог или синоним; на уровне прагматики и коммуникативных ситуаций - прямое выражение отказа, несогласия или недовольства, что не приветствуется в японской культуре, но поощряется в американской и т.п. Соответственно, возникает вопрос, как эффективно профилировать интерференцию со стороны не одного (родного), а уже двух языков, отличных от изучаемого (родного и первого иностранного). На наш взгляд, эта профилактика осуществима следующим путем: овладение каждым новым языком расширяет и модифицирует когнитивную языковую базу для усвоения очередного языка, что напрямую связано с сознательной рефлексией над языками, которая обеспечивается когнитивно- коммуникативным подходом к обучению (или, по крайней мере, опытом такого обучения в ранее изучавшихся иностранных языках).

Согласно А.С. Маркосян, главным фактором, определяющим характер и степень переноса первого иностранного языка на второй иностранный, являются методические особенности преподавания этих языков⁹

Исследования Д. О'Мэлли и А. Шамо подтверждают, что чем больше языковой опыт первого иностранного языка, тем легче осуществляется сопоставление со вторым языком.

Таким образом, если два языка изучаются параллельно, но первый иностранный язык немного опережает второй во времени, но в то же время создается оптимальная база для переноса более широкого арсенала стратегий из первого иностранного языка среднего уровня во второй иностранный начального уровня. Даже с чисто психологической точки зрения, более опытные учащиеся (например, те, кто раньше изучал другой иностранный язык) подходят к решению учебных языковых задач более спокойно, применяя навыки, развитые в других учебных ситуациях.

Совершенно ясно, что схожих грамматических явлений в языковой паре «английский-японский» гораздо больше нежели мы перечислили. Но по нашему мнению нецелесообразно приводить исчерпывающий список. Наша задача на сегодняшний день заключается в демонстрации именно возможности использования первого языка при изучении второго. Мы хотели показать, что даже в таких непохожих языках можно обнаружить много схожих явлений. Практическая значимость такого подхода к преподаванию именно в том, чтобы на начальном уровне показать учащимся возможность сравнений и мотивировать их дальнейшую самостоятельную работу в этом направлении.

Представленный нами в данной статье компаративный анализ грамматического строя нескольких языков может лечь в основу составления учебников и учебных пособий с учетом того, что подобный анализ может помочь и при обучении другим уровням языковой системы – фонетике, лексике и т.д. Кроме того, составление таких учебных пособий могло бы стать частью мировой практики преподавания непохожих друг на друга языков.

⁹ Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика [Текст] / Мечковская Н.Б. - М.: Аспект-Пресс, 1996. — с. 207

Глава 2. Метафоризация строительной лексики в английском и русском языках

На современном этапе развития лингвистики активно разрабатывается когнитивный подход к языку, позволяющий сделать вывод о том, что, помимо выражения готовых мыслей, слово служит и средством их создания, при этом немаловажная роль отводится метафоре как процессу получения знания на основе существующих в когнитивном сознании носителей языка концептов.

На протяжении нескольких десятилетий лингвисты исследуют метафору как ментальную операцию и способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и интерпретации окружающей действительности. Классическая теория концептуальной метафоры, которая положила начало развитию лингвистических направлений по изучению когнитивного потенциала метафоры в категоризации и репрезентации действительности, стала разрабатываться с публикации работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «*Metaphors We Live by*»¹⁰. Многочисленные исследования на широком практическом материале доказали, что потенциал метафоры выходит далеко за пределы ее стилистического функционирования. Сопоставительные исследования на материале типологически и генетически неродственных языков свидетельствуют о наличии универсальных метафорических образов, которые обусловлены общностью психических процессов восприятия окружающего мира носителями разных языков.

Детальному рассмотрению метафоры как способа мышления в рамках когнитивной лингвистики посвящена и работа Э. Маккормака «Когнитивная теория метафоры», в которой он дает определение метафоре как некоему познавательному процессу. По утверждению Э. Маккормака, причиной возникновения метафоры является сопоставление семантических концептов, в значительной степени несопоставимых, человеческим разумом путем определенных организованных операций. С одной стороны, метафора предполагает наличие сходства между свойствами ее семантических референтов, поскольку она должна быть понята, а с другой стороны – несходства между ними, так как метафора призвана создать некий новый смысл¹¹.

¹⁰ Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.

¹¹ Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 358–386.

По утверждению И.М. Кобозевой, «метафороподобными выражениями признаются все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии, или типам»; в метафоре, «между (словами) А и В устанавливается отношение сходства или аналогии, при том, что А и В принадлежат двум когнитивно далеким друг от друга областям»¹².

В отечественном языкознании метафоризацию традиционно связывают с нерегулярной полисемией. Т.Г. Скребцова представляет внутреннюю структуру многозначной единицы «в виде сетевой модели, узлы которой характеризуются разной степенью центральности и когнитивной выделенности и связаны между собой отношениями различной природы и разной степени близости»¹³. Перераспределение «узлов» внутри единицы и перенос «узла» одной единицы в «сетевую модель» единицы другой понятийной области понимается в когнитивной лингвистике как метафоризация.

М. Минский утверждает, что аналогии, основанные на концептуальной метафоре, «дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы в свете другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблемы в другой области»¹⁴.

Классическая теория концептуальной метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, предполагает перенос знаний из одной концептуальной сферы в другую. На основные положения данной теории мы опирались в нашем исследовании метафорических переносов строительной лексики в английском и русском языках. Основанием для их теории послужил тезис о схожести «алгоритмов деятельности» в различных областях, что дает возможность семантизировать одни структуры за счет отождествления их со структурами, относящимися к другой сфере человеческой деятельности. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоры являются концептуальными, поскольку они существуют одновременно в двух концептосферах. Концептуальные метафоры согласованы с определенной культурой и языком. Например, рассматриваемая исследователями концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR согласована с базовыми ценностями культуры носителей английского языка. Метафора – это не столько средство описания спора в понятиях войны, сколько устойчивый способ осмысления спора.

¹² Кобозева И.М. Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания. – М., 2003. – 90 с.

¹³ Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. – СПб, 2000. – С. 72.

¹⁴ Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 281-304.

Можно проиграть или выиграть спор, оппонент в споре воспринимается как противник, спорящие разрабатывают стратегии, занимают позиции, «расстреливают» аргументы противника и т.д. Вместе с тем можно «представить культуру, в которой спор рассматривается как танец, участники – как танцоры, а цель заключается в гармоническом и эстетически привлекательном танце», а не в победе над противником¹⁵. Концептуальные метафоры являются частью культурной парадигмы носителей языка, они укоренились в сознании людей и настолько привычны, что нередко не осознаются как метафоры.

З. Кёвечеш определяет концептуальную метафору следующим образом: «Концептуальная сфера (А) является концептуальной сферой (В), которую называют концептуальной метафорой. Концептуальная метафора основывается на двух концептуальных сферах, в которых одна сфера понимается в терминах другой сферы»¹⁶.

В теории метафоры существуют различные термины для обозначения данных концептосфер, при наложении которых реализуется концептуальная метафора: source domain и target domain, сфера-донор и сфера-мишень, исходная сфера и конечная сфера, источник метафорической экспансии и направление метафорической экспансии, откуда-сфера и куда-сфера, сигнификативная зона и денотативная зона, донорская зона и реципиентная зона, область отправления и область прибытия, область источника и область цели, ментальная сфера-источник и ментальная сфера-магнит. Как отмечает А.Н. Баранов, во многих иностранных и российских исследованиях под словом «сфера» понимается «концептуальная сфера» или собственно «концепт»¹⁷.

Таким образом, в основе современного семантико-когнитивного подхода к исследованию метафоры, на основные положения которого мы опираемся, лежит положение о метафорической природе мышления, которое представляет собой манипулирование когнитивными структурами знания. В основе метафоры лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти

¹⁵ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 26–27.

¹⁶ Kövecses Z. Metaphor: A practical introduction. – New York: Oxford University Press, 2002. – XVI, 285 p.

¹⁷ Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.

концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира. Всякий концепт является не изолированной единицей, а частью концептосферы (понятийной сферы, домена, ментального пространства), которые образуют тот фон, из которого выделяется концепт.

На современном этапе исследований в области когнитивной теории концептуальной метафоры предпринимаются попытки ее обобщения¹⁸. Одним из вариантов подобного обобщения являются постулаты, разработанные немецким ученым Олафом Йекелем, которые отражают основные положения современной когнитивной теории метафоры¹⁹. Данные положения представлены в виде девяти постулатов-гипотез.

1. *Гипотеза вездесущности.* Любая сфера использования языка оказывается пронизанной метафорами, так как, по утверждению Дж. Лакоффа, метафорическое мышление неизбежно.

2. *Гипотеза областей.* Большинство метафорических выражений следует рассматривать как языковые репрезентации концептуальных метафор, глубоких, неосознаваемых структур когнитивного сознания.

3. *Гипотеза моделей.* Данное положение подразумевает теорию идеализированных когнитивных моделей – сложных гештальт-структур организованного знания, которые функционируют как прагматические упрощения еще более сложной реальности. Их реконструкция также возможна благодаря когнитивному анализу повседневной речи.

4. *Гипотеза диахронии.* В историческом развитии языков метафорические расширения значений в большинстве своем демонстрируют связи между концептуальными областями.

5. *Гипотеза однонаправленности.* Суть данного постулата состоит том, что традиционно, метафора «Х есть Y» объясняет сложную абстрактную понятийную область X посредством более конкретной понятийной области Y, которая доступна для чувственного восприятия и проще структурирована. Отношение между данными концептуальными областями рассматривается как однонаправленное и необратимое. Согласно данному положению, осмысление концептуальной области источника метафорического переноса в терминах концептуальной области цели практически невозможно. Тем не

¹⁸ Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 16-32.

¹⁹ Jäkel O. Hypotheses Revisited: The Cognitive Theory of Metaphor Applied to Religious Texts // metaphoric.de, 2002. – Pp. 20-42.

менее, следует отметить, что тезис об однонаправленности метафорического переноса на сегодняшний день является одним из наиболее спорных. По утверждению А.Н. Баранова, в виду того, что существуют типы метафоры, которые противоречат тезису об однонаправленности, следует говорить «не столько о прояснении (структурировании) неясной целевой области, сколько об изменении уже имеющейся структуры области цели, о ее переструктурировании»²⁰. Тем не менее, ядро метафорической системы образуют метафоры, отвечающие сформулированному тезису «однонаправленности», который отражает важнейшую когнитивную функцию метафоры²¹.

6. *Гипотеза инвариантности*, которая состоит в частичном воспроизведении структуры источника в структуре цели. Определенные смысловые элементы переходят из области источника метафорического переноса в область цели без изменения базовой структуры – набора онтологических сущностей и системных отношений между ними, что обеспечивает эмпирические основания для объяснения абстрактного концепта.

7. *Гипотеза необходимости*. Метафоры выполняют функцию объяснения при познании новой сущности, тем самым, предоставляя человеку возможность оперировать абстрактными категориями. При соотношении нематериальных понятий с чувственным восприятием обеспечивается биофизическая, телесная основа познания, которая обуславливает единство и связь человеческого опыта.

8. *Гипотеза креативности*. Значение метафорического выражения, в виду его огромного семантического потенциала, невозможно свести к буквальному пониманию без потери элементом смысла. Этим обуславливается креативная функция метафоры как стратегии реконструкции разрозненных элементов мышления. В научном дискурсе метафора может выполнять эвристическую функцию, организует терминологические системы, обеспечивает существование отвлеченных сфер абстрактных научных категорий.

9. *Фокусирующая гипотеза*. Метафора предлагает лишь частичное описание и объяснение осмысляемой области цели, выделяя одни ее

²⁰ Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 10.

²¹ Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 11.

аспекты и маскируя другие. Эта разница в фокусе и определяет возможность существования нескольких альтернативных метафор, предоставляющих многогранное понимание одного и того же концепта.

В данном исследовании на эмпирическом материале продемонстрирована и доказана правомерность существования данных обобщенных постулатов когнитивной теории концептуальной метафоры.

Исследования концептуальных метафор позволяют выделить ряд характерных черт, дающих основания для их интерпретации. Фундаментальными особенностями концептуальных метафор являются категоризация, упорядочивающая воспринимаемую действительность, и системность, на основе которой Дж. Лакофф и М. Джонсон выделили ряд когнитивных метафор, которыми оперирует обыденная понятийная система сознания человека.

Категоризация действительности как способ членения мира посредством сознания является ключевой проблемой когнитивной лингвистики. Как отмечает Ю.С. Степанов, сознание объединяет бесконечные сущности мира в некоторые группы, категории, представляющие «наивысшие обобщения одновременно в трех сферах – мышления, психики и языка»²². Под категоризацией понимается «отнесение слова (или объекта) к более общему классу (группе) на основе определенных представлений о мире»²³.

В работе Дж. Лакоффа *Women, Fire and Dangerous Things* автор тщательно анализирует объективистский подход к теории категоризации и приходит к выводу, что классическая теория далека от когнитивной, поскольку она не принимает во внимание того, как человек осмысливает мир. Объективисты стремятся исключить из концептуального мира человека аспекты, которые имеют отношение к образному восприятию: метафора, метонимия, в связи с тем, что они не могут служить объективным источником знаний об окружающей действительности.

Результаты категоризации представлены в языке, и через язык мы получаем возможность проникновения в закономерности человеческого мышления. Когнитивное сознание человека способно вычленять как предметно-материальные, так и абстрактные категории. Именно благодаря способности человеческого мышления к абстрагированию, его сознание способно вычленять одно из свойств материального объекта, которое будет положено

²² Степанов, Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – С. 360.

²³ Фрумкина, Р.М., Михеев А.В. и др. Семантика и категоризация. – М.: Наука, 1991. – С. 5.

в основу его категоризации, основанной на включении объекта в класс на основе какого-либо вычленяемого признака.

При этом следует отметить, что категоризации подвергаются не только объекты уже отнесенные к определенной категории, но и явления, ранее не классифицированные. В данном случае, метафора выполняет функцию вербализации нового концепта, возникающего в концептуальной системе человека.

Таким образом, концептуальная метафора, устанавливая ассоциативные соответствия между концептуальными сферами когнитивного сознания носителя языка, играет роль инструмента, с помощью которого происходит категоризация и организованная классификация опыта человека, зафиксированного в языке и представленного языковыми единицами. Помимо категоризации опыта, метафора выполняет важную функцию его систематизации, то есть установления взаимосвязи между вычленяемыми категориями и их укрупнения в систематизированные когнитивные модели.

В данной работе обобщаются результаты сопоставительного анализа концептосфер когнитивного сознания носителей английского и русского языков, семантическое пространство которых формируется лексемами семантического поля «Строительство зданий». Рассматриваемое семантическое поле включает 114 лексем английского языка и 107 лексем русского языка, которые были отобраны из печатных и электронных одноязычных и двуязычных толковых, фразеологических, этимологических словарей. Метафорические переносы с участием строительной лексики также рассматривались в более 2000 контекстов их функционирования в художественной, публицистической, научной литературе.

В семантическое поле нашего исследования входят слова и словосочетания метафорически переосмысленной строительной лексики. Нашему анализу подвергались метафорические конструкции, представляющие собой как закрепленные в языке и отраженные в словарной дефиниции регулярные случаи метафорического переноса значения, так и авторские метафорические образования и закрепленные в языке устойчивые или идиоматические выражения. Поскольку устойчивые, или идиоматические, фразеологические, сочетания не составляют основу корпуса исследуемого языкового материала, на наш взгляд, не является целесообразным выделять их в отдельное фразеосемантическое поле. Все идиоматические сочетания, подвергавшиеся нашему анализу, мы рассматривали как случаи метафорического переосмысления лексической единицы исследуемого семантического поля, в данном случае компонента в составе идиоматического выражения,

поскольку, как известно, метафора, наряду с эпитетом, метонимией, является одним из важнейших типов образного переосмысления компонентов фразеологической единицы.

В процессе подбора языкового материала исследования использовался как ономаσιологический, так и семасиологический подход. Первоначально на основе данных толковых словарей английского и русского языков отбирались слова, называющие явления, связанные со строительством зданий, в дальнейшем границы поля уточнялись в соответствии с принятым определением поля. В качестве архисемы при отборе материала использовались компоненты «construction/строительство» и «building/здание», присутствующие в словарных дефинициях как слово-идентификатор. Анализу подвергались и лексические единицы, в толкованиях которых слово-идентификатор не было эксплицитно представлено, но могло быть выведено посредством операции семантического развертывания.

Например: tile: a flat piece of baked clay or stone that is used for covering a roof → roof: the top outer part of a building; перегораживать: разделять помещение, пространство на части, устраивая, сооружая перегородку, изгородь → помещение: место, где помещается кто-либо, что-либо (здание, комната, строение и т.п.).

Таким образом, были отобраны только те лексемы, связь денотатов которых со строительством зданий, отразилась в их семантике и закрепились в словаре.

Помимо парадигматических отношений компоненты исследуемого семантического поля вступают и в синтагматические отношения, отражая организацию слов по их валентности. Например: to build – houses, to demolish – walls; строить – здания, разрушать – стены. В связи с рассмотрением процесса метафоризации, наличие подобных синтагматических связей представляется важным, поскольку их нарушение свидетельствует о метафорическом употреблении исследуемой лексики, например, to build – one's life, to demolish – one's confidence, строить – планы, разрушать – семью.

Следует отметить, что в данном исследовании не рассматривается строительная терминология, поскольку строительная терминология не входит в активный словарный запас среднего носителя языка, следовательно, можно предположить, что она реже подвергается метафорическому переосмыслению. Терминологическим лексическим единицам свойственна моносемантичность, независимости от контекста, стилистическая нейтральность. В нашем же исследовании целью является описание и анализ

лексических единиц семантического поля строительной лексики, которые подвергаются регулярному метафорическому переносу.

Выделенные в результате исследования обобщенные концептосферы и метафорические модели, а также процентное соотношение частотности их употребления, позволяют нам определить основные направления метафорического переноса с участием лексем семантического поля строительной лексики. По мнению ряда исследователей, метафорические переносы в языке охватывают материальные и идеальные сущности и осуществляются в жесткой последовательности и определенных направлениях от одной семантической сферы к другой. Обратимся к понятию регулярного метафорического переноса, разрабатываемого Г.Н. Складневской. В своей монографии она выделяет восемь типов регулярных метафорических переносов по следующим схемам ПРЕДМЕТ → ПРЕДМЕТ (алмазы росы), ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК (тюфяк), ПРЕДМЕТ → ФИЗИЧЕСКИЙ МИР (каскад звуков), ПРЕДМЕТ → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР (звезда удачи), ПРЕДМЕТ → АБСТРАКЦИЯ (цепь событий), ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК (осел), ЧЕЛОВЕК → ЧЕЛОВЕК (дистрофик), ФИЗИЧЕСКИЙ МИР → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР (крушение надежд)²⁴.

Нами было выделено пять типов регулярных метафорических переносов.

Первый тип регулярного метафорического переноса – это ПРЕДМЕТ → АБСТРАКЦИЯ, поскольку большая часть лексем семантического поля строительной лексики используется для метафорической репрезентации концептосферы абстрактных категорий и понятий жизнедеятельности человека, что отражено, например, в таких метафорических моделях как

– ЛИЧНОСТЬ – ЭТО ЗДАНИЕ (*building up of an integral personality, lay the foundation for a temperament, to construct a psychological profile of the murderer; a facade of bravery, строить из себя кого-либо*);

– ОБЩЕСТВО – ЭТО ЗДАНИЕ (*the foundation of a civilized society, building blocks of an orderly society, a society founded on egalitarian principles, pillars of society, культурное строительство, сословные перегородки, столпы общества*);

– ЖИЗНЬ – ЭТО ЗДАНИЕ (*rebuild one's life, ruins of life, architect of one's own fortunes, строитель новой жизни, строить новый быт, строить новую жизнь, строить своё благополучие на чём-либо, найти свою нишу в жизни*);

²⁴ Складневская, Г.Н. Метафора в системе языка. — СПб., 2004. – 166 с.

– ДОСТИЖЕНИЯ – ЭТО ЗДАНИЯ (*the pinnacle* of academic achievement, a *towering* achievement; достигнуть своего *потолка* – полностью реализовать свои способности, возможности в чем-то);

– ВОЗМОЖНОСТИ – ЭТО ОТКРЫТЫЕ ДВЕРИ (*a door* to success; when one *door* closes, another one opens; *двери* распахиваются перед кем-либо, на пороге, в *преддверий*);

– ОТНОШЕНИЯ – ЭТО ЗДАНИЯ (*cement* a friendship, *cement* the partnership, *строить* отношения, *строить* семью, *пристраивать* – выдавать за муж, женить, *рухнувший* брак; *разрушить* семью)²⁵.

Метафорическую аналогию восприятия временного промежутка как здания или его элемента также следует отнести к регулярному виду метафорического переноса ПРЕДМЕТ → АБСТРАКЦИЯ (*close the door* on the past, to *build* a better future, below *stairs* – in the past, на *пороге* – очень скоро наступит, беда за *порогом* – о том, что прошло, *преддверие* – начальный период чего-нибудь, время, непосредственно предшествующее чему-нибудь).

Второй тип регулярного метафорического переноса – это ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ → ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, который представлен в обобщенных концептосферах «Речемыслительная деятельность» и «Человек как социальное существо» такими метафорическими моделями и концептуальными метафорами как:

– РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (*to construct* a sentence, *to construct* an argument, to *build* a phrase, to *build* your word power, to drop a *brick* – to say something indiscrete, *строить* мысль, *строить* фразу, *строить* догадки, *строить* иллюзии, *строить* систему доказательств, *строить* предположения, the *architecture* of a speech – *построение* речи, за *фасадом* красивых фраз);

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (*to construct* the plot of a novel, *to construct* a story, to *build up* the style of the narration, *строить* сюжет, *построение* строфы, *архитектура* романа, *строить* сюжет);

– ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА – ЭТО СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (*be/get in on the ground floor* – на начальном этапе какой-либо деятельности, *строить* свою тактику на чем-либо),

²⁵ Научные исследования: информация, анализ, прогноз: Монография / под общей ред. проф. О.И. Кирикова. Книга 40. – М.: Наука информ; Воронеж: ВГПУ, 2013. – 290 с.

– ОБУЧЕНИЕ – ЭТО СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (*foundation stones of a good education, the building blocks of a good education, фундамент знаний*)²⁶.

Третий тип регулярного метафорического переноса – это ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК. В нашем исследовании данный тип метафорического переноса реализуется в рамках обобщенной концептосферы «Человек как биолого-физиологическое существо», на базе метафорической модели ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЗДАНИЕ (*the wall of the womb/stomach, an artery wall, spinal column, преддверие в ушном лабиринте, атлант – первый шейный позвонок, сочленяющийся с черепом у человека и высших позвоночных, лабиринт – внутреннее ухо позвоночных животных и человека, выполняющее функции органа слуха и равновесия, цемент – костная ткань, покрывающая корень и шейку зуба*)

Четвертый тип регулярного метафорического переноса – это ПРЕДМЕТ → ЕСТЕСТВЕННЫЙ МИР, который реализуется на материале обобщенной концептосферы «Естественный мир» на базе метафорических моделей:

- ОБЪЕКТЫ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ – ЭТО ЗДАНИЯ (*the floor of the forest; valley floor, under a roof of foliage, лесные кладовые, стена деревьев, под сводом ветвей*);

- ОБЪЕКТЫ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ – ЭТО ЗДАНИЯ (*roof of the cave; the floor of the cave, pinnacle – a high mountain top, преддверие пещеры, свод пещеры, горный коридор*).

Пятый тип регулярного метафорического переноса – это ПРЕДМЕТ → ПСИХИЧЕСКИЙ МИР, который реализуется на материале обобщенной концептосферы «Психоэмоциональная сфера» на базе метафорической модели ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА – ЭТО ЗДАНИЕ (*a threshold of emotion, confidence builder, the labyrinth of love, hit the ceiling – explode in anger, стена равнодушия, стена безразличия, на стену (на стенку) лезть – приходиться в крайнее раздражение, исступление*).

Помимо вышеперечисленных регулярных типов метафорических переносов, нами были обнаружены и два *нерегулярных* типа метафорического переноса: ПРЕДМЕТ → ПРЕДМЕТ, ЧЕЛОВЕК → ЧЕЛОВЕК. Нами не выявлены обобщенные концептосферы и метафорические модели в данных областях. Данные области представлены единичными метафорическими выражениями, что и свидетельствует о нерегулярности метафорических

²⁶ Муртазина Д.А. Строительная метафора в репрезентации концептосферы речемыслительной деятельности носителей английского и русского языков. Вестник Башкирского ун-та. – Том 15. – № 4 – Уфа, 2010. – С. 1178-1182.

переносов в данных сферах. В качестве примера нерегулярного типа метафорического переноса ПРЕДМЕТ → ПРЕДМЕТ можно привести метафорическую репрезентацию абстрактной категории формы в обоих языках. Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что метафорически переосмысленная строительная лексика используется как эталон формы объектов, предметов (*a pillar of rock, a wall of books/boxes, танковая колонна; тракторная колонна, стена деревьев, купол парашюта, торф в кирпичачах*)²⁷.

Широкий диапазон репрезентируемых концептов и обобщенных концептосфер свидетельствует о функционально-типологическом разнообразии процессов метафоризации. Рассмотренные базовые конвенциональные метафоры могут быть классифицированы по когнитивной функции, согласно классификации, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Как показывает семантический и количественный анализ, наибольшее количество составляют онтологические метафоры (67,8%), поскольку большая часть репрезентируемых концептов принадлежит сфере абстрактных понятий: разум, язык, эмоции, чувства, мораль, политика, экономика, достижения, возможности, карьера, перспективы и т.д. Структурные концептуальные метафоры составляют 28,6% общего числа рассмотренных случаев метафорических переносов, в частности структурирование различных видов деятельности человека по аналогии со строительной деятельностью. Наименьшее количество представлено ориентационными метафорами (3,6%), в которых одной из эмпирических основ ориентации человека является его дом или здание как интегральный компонент рассматриваемого семантического поля.

Результаты проведенного сопоставительного анализа концептуальных сфер приложения метафорически переосмысленной строительной лексики отражают основные положения современной когнитивной теории метафоры, обобщенные и сформулированные Олафом Йекелем²⁸.

Метафоры строительной лексики в английском и русском языках используются для номинации объектов достаточно широкого диапазона сфер, включая различные аспекты жизнедеятельности человека (биологическая,

²⁷ Муртазина Д.А. Строительная лексика в метафорической репрезентации категории формы в концептуальной картине мира носителей английского и русского языков // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 364-367

²⁸ Jäkel O. Hypotheses Revisited: The Cognitive Theory of Metaphor Applied to Religious Texts // *metaphoric.de* 02/2002. – Pp. 20-42

интеллектуальная, эмоциональная, социальная) и объективной реальности (естественный и физический мир), а также концептуализация абстрактных категорий, что подтверждает гипотезу о *вездесущности* концептуальных метафор, пронизывающих любую сферу использования естественного языка.

Выделение концептуальных метафор и их объединение в метафорические модели позволяет сделать вывод о системности метафорических переносов с участием строительной лексики в английском и русском языках, что подтверждает гипотезу *областей* и гипотезу *моделей*. Большое количество рассмотренных концептуальных строительных метафор в рассматриваемых языках функционируют как неосознаваемые когнитивные структуры, которые обусловлены метафоричностью мышления человека.

Выдвинутая немецким исследователем гипотеза *однаправленности* когнитивных метафорических переносов, на наш взгляд, может быть подвергнута сомнению. Эмпирический материал исследования доказывает, что в качестве когнитивной области приложения концептуальной строительной метафоры в английском и русском языках выступают как сложные абстрактные области: психоэмоциональная сфера и речемыслительная деятельность, социальное устройство и жизнедеятельность человека, так и наглядные, не представляющие сложности для понимания области: биолого-физиологические особенности человека, естественный и физический мир. Мы склонны согласиться с точкой зрения, высказанной А.Н. Барановым, что в данном случае речь скорее о пресструктуризации области цели, нежели о ее структуризации²⁹. Тем не менее, преобладание онтологических метафор и регулярного метафорического переноса ПРЕДМЕТ → АБСТРАКЦИЯ свидетельствует о том, что концептуальная область абстрактных понятий является доминирующей и наиболее частотной сферой приложения концептуальных метафорических переносов.

Структурирование когнитивной области цели по аналогии с процессом строительства здания, результата строительства с выделением и сохранением в конечной области приложения концептуальной метафоры отдельных компонентов и элементов исходной концептосферы является подтверждением выдвинутой немецким исследователем гипотезы *инвариантности*. Примером, подтверждающим данный теоретический постулат, может служить существование гиперо-гипонимических концептуальных метафор РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО СТРОИТЕЛЬНАЯ

²⁹ Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 10.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РЕЗУЛЬТАТ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – ЭТО ЗДАНИЕ; ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ – ЭТО ЗДАНИЕ.

Основным фактом, подтверждающим правомерность выдвижения гипотезы *необходимости*, можно считать функционирование строительной концептуальной метафоры в целях номинации абстрактных понятий, в рамках выделяемых нами абстрактных категорий времени, формы, размера и оценки, а также абстрактных областей из сферы жизнедеятельности человека: речемыслительная деятельность, психоэмоциональная сфера, социальные характеристики, научная терминология.

Способность концептуальной строительной метафоры соотносить различные семантические сферы, комбинировать семантически разноплановые лексемы, вычленяя одно из свойств, которое будет положено в основу метафорической категоризации объекта цели метафорического переноса как объекта области источника метафорического переноса, свидетельствует о ее креативности и подтверждает соответствующую гипотезу *креативности*, выдвигаемую немецким исследователем.

Проведенное исследование убедительно демонстрирует, что рассматриваемые лексемы, регулярно подвергающиеся метафорическому переосмыслению, могут быть использованы когнитивным сознанием носителя языка для номинации и характеристики разноплановых концептов существующих концептосфер, предлагая его видение на основе одной из вычленяемых черт. В рамках рассматриваемых концептосфер идентичные концепты могут быть репрезентированы посредством различных лексем семантического поля строительной лексики, каждая из которых фокусируется на одной из вычленяемых черт. Эти данные подтверждают выдвинутую Олафом Йекелем *фокусирующую* гипотезу.

Регулярные метафорические переносы строительной лексики в английском и русском языках, а также типологическое разнообразие рассмотренных метафорических переносов с участием лексем семантического поля строительной лексики свидетельствуют о большом потенциале метафорически переосмысленной строительной лексики в формировании обширного фрагмента концептуальной картины мира носителей английского и русского языков.

Глава 3. Лексические переводческие трансформации при переводе научной фантастики

Перевод во все времена занимал важное место в жизни человечества. Как вид духовной деятельности человека перевод берет свое начало еще с древнейших времен. Уже в далекие времена перевод играл немаловажную роль в жизни и истории человечества.

В настоящее время особенной популярностью пользуются произведения жанра научной фантастики. Прежде всего, это связано со стремительным развитием научного прогресса, созданием большого количества научно-фантастических художественных произведений, которые нуждаются в адекватном переводе. Именно этим и объясняется актуальность данного исследования.

Целью настоящей работы является анализ особенностей применения лексических переводческих трансформаций при переводе научно-фантастической литературы на примере романа «Марсианин» современного американского писателя Э. Вейера.

Теоретической основой данной работы послужили научные труды таких авторов как В. Н. Комиссаров³⁰, И. С. Алексеева³¹, Л. С. Бархударов³²,

³⁰ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение [Текст]: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2001. – 424 с. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст]: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

³¹ Алексеева И. С. Введение в перевод в введение [Текст]: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. Заведений / И.С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика [Текст]: учеб. пособ. по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И.С. Алексеева. – СПб.: Издательство «Союз», 2004. – 288 с.

³² Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода [Текст]: / Л.С. Бархударов. – М., «Междунар. Отношения», 1975. – 240 с.

И. В. Гредина³³, В.М. Лейчик³⁴, Т.А. Казакова³⁵, Т.А. Чернышева³⁶, Ю. И. Кагарлицкий³⁷, а также Я. И. Рецкер³⁸ и Н.К. Горбовский³⁹.

Материалом исследования послужил роман Э. Вейера «Марсианин»⁴⁰, а также его перевод на русский язык, выполненный К. Егоровой.

Рассмотрение вопросов перевода научно-фантастических произведений необходимо начать с выявления их языковых особенностей.

Научная фантастика представляет собой подходящую базу для словотворчества, поскольку для изобретения новых понятий автор использует новую лексику, характерную только для научно-фантастической литературы. Данная лексика представляет собой сложность для восприятия, т.к. в повседневной жизни она не встречается. Более того, читатель должен быть знаком со спецификой произведения и быть знакомым с творчеством писателя-фантаста.

В первую очередь, следует отметить неологизмы. По определению «Словаря литературоведческих терминов» неологизм – «это новое, возникшее в языке слово для обозначения нового явления и понятия в жизни общества, использованное писателем в своем произведении, или слово, созданное им самим путем сочетания уже существующих слов или каких-либо его частей»⁴¹. Неологизмы являются плодом фантазии писателей, но иногда они воплощаются в реальность в ходе технического прогресса. Неологизмы не часто встречаются в художественной литературе, т.к. избыток неологизмов делает язык произведений сложным для понимания. В научной фантастике писатель прибегает к использованию неологизмов для создания новой реальности, с которой знакомит автор читателя.

Говоря об особенностях словообразования, следует в первую очередь отметить деривацию. Круг использования деривации в последнее время

³³Гредина И. В. Перевод в научно-технической деятельности [Текст]: учебное пособие / И.В. Гредина. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 121 с.

³⁴Лейчик В. М. Терминоведение [Текст]: предмет, методы, структура. / В.М. Лейчик. – Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

³⁵Казакова Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian. – [Текст]: серия: изучаем иностранные языки. – СПб.: «Издательство Союз», 2001. – 320 с.

³⁶Чернышева Т. А. Природа фантастики [Текст]: учеб. пособ. / Т.А. Чернышева. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1985. – 189 с.

³⁷Кагарлицкий Ю. А. Что такое фантастика [Текст]: учеб. пособ. / Ю. Кагарлицкий. – М. художественная литература 1974. – 346 с.

³⁸Рецкер Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский [Текст]: Гос. центр курсы заоч. обучения иностр. яз. «Ин-яз» / Я.И. Рецкер. – 4-е изд. – М.; Просвещение, 1998. – 159 с.

³⁹Горбовский Н. К. Теория перевода [Текст]: учебник / Н.К. Горбовский. – М.: Изд-во Москва. Унта, 2004. – 544 с.

⁴⁰Вейер Э. Марсианин [Текст]: фантастический роман/ Энди Вейер пер. с англ. К. Егоровой . – М.: АСТ, 2015. – 382 с. Weir A. The Martian. US: The Random House Group, 2014. 369 p.

⁴¹Краткий словарь литературоведческих терминов / отв. ред. Л. Тимофеев. 4-е изд. Гос. Уч.-педаг. Издательство министерства просвещения РСФСР. – М.: 1963. – 194 с.

значительно расширяется, что связано с развитием науки и созданию новых терминов и обозначений для какого-либо явления. Затронула деривация не только науку саму по себе, но и научную фантастику. Создавая свой собственный мир загадок и мистических созданий, писатели прибегают к данному способу. Деривация – «это процесс создания одних языковых единиц на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае – путем «расширения» корня за счет аффиксации или словосложения, в связи с чем деривация приравнивается иногда к словопроизводству или словообразованию»⁴². Аффиксация представляет собой общий термин, обозначающий суффиксацию и префиксацию. Данный способ является одним из самых легких и излюбленных авторами-фантастами.

Словосложение является одним из самых распространенных видов словообразования в научной фантастике. Формы словосложения в произведениях научной фантастики самые разнообразные. Приведем примеры некоторых из них: «существительное + глагол», «глагол + существительное», «прилагательное + глагол», «существительное + существительное», «прилагательное + существительное». Однако, в научной литературе встречается и модель, состоящая из трех компонентов: «прилагательное + прилагательное + существительное» или «существительное + прилагательное + существительное». Такая модель не часто встречается в научной фантастике и иногда представляет собой сложность в переводе. Обычно такие тексты изобилуют терминами и техническими понятиями.

Следующим словообразовательным приемом научной фантастики является сокращение или аббревиатура. Они используются в научной фантастике с целью создания псевдонаучного языка, в сочетании с большим количеством заимствований. Аббревиатура может означать название организации, техническое или компьютерное устройство.

Еще одной лексической особенностью научно-фантастической литературы является обилие терминов. Термины являются характерной чертой научной фантастики. Каждая область науки создает свою терминологию, в этой связи существует большое количество определений термина⁴³.

Термины представляют собой довольно сложное явление. Они усложняют язык произведений и без специальных знаний очень сложно их понять или перевести.

⁴²Большой энциклопедический словарь [Текст]: / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. –М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 744 с.

⁴³Лейчик В. М. Терминоведение [Текст]: предмет, методы, структура. / В.М. Лейчик. – Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

Рассмотрев, таким образом, основные языковые особенности научно-фантастических текстов, перейдем к анализу лексических переводческих трансформаций.

Переводимые тексты весьма разнообразны по тематике и жанровой принадлежности. В связи с этим от переводчика требуется различная точность и полнота перевода. Любой текст, к какой бы он жанровой принадлежности не относился, характеризуется особой спецификой, поэтому перевод требует от переводчика особых знаний и умений.

Как отмечает В. Н. Комиссаров⁴⁴ в современном мире играют важную роль два вида перевода: художественный перевод и информативный перевод. Художественный перевод – это вид перевода, главной задачей которого является достижение определенного эстетического воздействия, создании художественного образа. Как правило, в текстах художественного перевода встречается множество стилистических приемов, которые и создают этот художественный образ. Сложность данного вида заключается в способности полной передачи поэтического содержания текста оригинала.

Следующим видом перевода является информативный перевод. На сегодняшний день интерес к данному переводу особенно возрос. Информативный перевод – это перевод текстов, основной задачей которых является сообщение какой-либо информации, сообщения, сведений, а не эстетическое воздействие на читателей. В подобных текстах преобладает информационное повествование, которое в некоторых случаях переплетается с художественным повествованием. На этом основании выделяются несколько подвидов информационного перевода: переводы научно-технических, политических, официально-деловых, газетно-информационных материалов.

Перевод научно-фантастических произведений, на наш взгляд, сочетает в себе черты двух представленных видов перевода, обладая характеристиками того и другого.

Для достижения «адекватности перевода» переводчик сталкивается с разнообразными преобразованиями, а именно переводческими трансформациями. Количество видов переводческих трансформаций в научно-технических текстах велико. Переводческие трансформации представляют собой особый вид перефразирования с одного языка на другой. По определению Л.С. Бархударова, переводческие трансформации – это перевод с

⁴⁴ Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст]: учеб. пособ. учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

максимально возможной полнотой передачи информации, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм переводного языка⁴⁵.

Изучив работы таких ученых как Я. И. Рецкер, Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Т. А. Казакова и И. С. Алексеева мы пришли к выводу, что основными видами переводческих трансформаций являются лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации. В основном лексические трансформации влекут за собой и грамматические. И в некоторых случаях переводчикам научных текстов приходится применять оба типа трансформаций. Все они играют важную роль при переводе⁴⁶.

Лексические трансформации представляют собой замену отдельных лексических единиц исходного языка на лексические единицы переводного языка. Лексические трансформации являются неотъемлемой частью научных текстов, а также текстов научной фантастики в целом, поскольку в текстах данного характера используется большое количество терминов, имен собственных и различных названий.

В современной лингвистике описано множество переводческих трансформаций, но в данной работе мы остановимся на классификациях В. Н. Комиссарова, И. С. Алексеевой и Т. А. Казаковой.

В первую очередь рассмотрим классификацию переводческих трансформаций, предложенную В. Н. Комиссаровым. Среди лексических трансформаций ученый выделяет транскрибирование и транслитерацию, а также калькирование. Транскрипция и транслитерация – это способы перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв переводного языка⁴⁷. При этом при транскрипции воспроизводится звуковая форма слова, а при транслитерации происходит побуквенное воссоздание слова. Данный вид трансформаций часто используется в переводческой практике, особенно при переводе имен собственных или названий каких-либо организаций. Данный способ широко распространен в публицистике, общественно-политической литературе, художественной, а также в научной сфере. Нельзя не отметить одну из самых распространенных трансформаций – калькирование. По определению В.Н. Комиссарова, калькирование – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов их лексическими соответствиями в

⁴⁵Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода [Текст]: / Л.С. Бархударов. – М., «Междунар. Отношения», 1975. – 240 с.

⁴⁶Рецкер Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский [Текст]: Гос. центр курсы заоч. обучения иностр. яз. «Ин-яз» / Я.И. Рецкер. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 1998. – 159 с.

⁴⁷Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст]: учеб. пособ. учеб. для интов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

переводном языке. С помощью данного приема переводчик создает новое слово или устойчивое словосочетание. Данный вид трансформации часто встречается в текстах научной фантастики.

Среди лексико-семантических замен лингвист выделяет конкретизацию, модуляцию и генерализацию. Конкретизация – это замена слова или словосочетания иностранного языка с более широким значением переводного языка. Модуляция – это замена слова или словосочетания, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Генерализацией называется замена единицы иностранного языка, имеющей более узкое значение, единицей переводного языка с более широким значением.

Следующей мы рассмотрим классификацию И. С. Алексеевой. В своей книге «Введение в переводоведение» И. С. Алексеева пишет, что само слово «трансформация» в зарубежной лингвистике не является популярным, вместо него используют слово «соответствие»⁴⁸. Эти соответствия И.С. Алексеева делит на три группы.

Готовые соответствия. Они используются, когда у переводчика нет иного варианта перевода. Соответствия, полученные с помощью данного приема, называются однозначными.

Выбор из нескольких вариантов. Соответствия, полученные с помощью данного приема, называются вариантными соответствиями.

Порождение собственных соответствий в рамках закономерностей языка. Соответствия, полученные с помощью данного приема, называются трансформациями.

К однозначным эквивалентам И. С. Алексеева относит термины, имена собственные, наименование организаций, компаний, ассоциаций. Вариантными соответствиями лингвист обозначает лексические соответствия, зависящие от контекста. В данном случае, по мнению И. С. Алексеевой, переводчик должен принимать во внимание тип текста и жанр произведения, а также микроконтекст.

Среди трансформаций И. С. Алексеева выделяет перестановки, замены, добавления, опущения, антонимический перевод, компенсацию, описательный перевод.

Под трансформациями И. С. Алексеева понимает «межъязыковые преобразования, требующие перестройки на лексическом или грамматическом

⁴⁸ Алексеева И. С. Введение в перевод [Текст]: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. Заведений / И.С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

уровнях»⁴⁹. Вслед за В. Н. Комисаровым, И. С. Алексеева утверждает, что трансформации редко встречаются в чистом виде, в основном они представляют собой комплексное преобразование.

Добавления представляют собой расширение текста перевода с целью полноты передачи его содержания. Опускание является обратным процессом добавления, который применяется с целью избавления от избыточной информации.

Далее мы обратимся к классификации Т. А. Казаковой. В своей известной работе «Практические основы перевода» (2000) Т. А. Казакова очень подробно анализирует транскрипцию и транслитерацию. В данной работе данным трансформациям отведен целый параграф. Т. А. Казакова пишет, что набор правил данных трансформаций разработан достаточно полно, и переводчики пользуются ими⁵⁰.

Наряду с переводческой транскрипцией для языковых единиц, не имеющих аналога в переводном языке, используется калькирование. Автор отмечает, что калькирование послужило основой для большого числа заимствований слов и словосочетаний в тех случаях, когда транскрипция являлась неприемлемой для перевода. Калькированию подвергаются названия памятников культуры, названия художественных произведений, исторические события, названия политических партий⁵¹. Следует отметить, что калькирование в ряде случаев применяется с транскрипцией.

В отдельную группу Т. А. Казакова выделяет лексико-семантические модификации. К ним она относит сужение или конкретизацию, расширение или генерализацию, функциональную замену, описательный перевод, эмфатизацию или нейтрализацию, переводческий комментарий.

К лексико-семантическим модификациям переводчики прибегают, когда важно передать не само слово, а его значение, которое оно приобретает в контексте того или иного произведения.

К сужению или конкретизации переводчик прибегает тогда, когда языковая единица обладает информационной неопределенностью и зависит от контекста. В данном случае переводится не само слово, а его вариант, зависящий от контекста.

⁴⁹Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика [Текст]: учеб. пособ. по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И.С. Алексеева. – СПб.: Издательство «Союз», 2004. – 288 с.

⁵⁰ Казакова Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian. – [Текст]: серия: изучаем иностранные языки. – СПб.: «Издательство Союз», 2001. – 320 с.

⁵¹Казакова Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian. – [Текст]: серия: изучаем иностранные языки. – СПб.: «Издательство Союз», 2001. – 320 с.

Расширение или генерализация является обратным процессом сужения и конкретизации. По словам Т. А. Казаковой, расширение имеет место, когда мера информационной упорядоченности исходной единицы выше меры упорядоченности, соответствующей ей по смыслу единицы в переводящем языке. Расширение и сужение являются одними из основных приемов трансформации, используемыми переводчиками. В частности, это зависит от многозначности слов английского языка.

Функциональная замена является одним из самых сложных видов трансформации. Функциональная замена используется, когда ни один из вариантов переводов слова, предложенных словарем, не подходит к контексту. В данном случае, переводчик самостоятельно, без помощи специальной литературы, должен определить значение слова, исходя из анализируемого контекста. Также следует отметить, что функциональной замене подвергаются реалии, с которыми сталкиваются люди других стран, и которые являются неизвестными русскому читателю. В настоящее время, со стремительным развитием цивилизации, в английской лексике появляется множество неизвестных до настоящего времени слов и названий, с которыми приходится сталкиваться профессиональным переводчикам. В данном случае они и прибегают к функциональной замене.

Еще одним достаточно распространенным видом трансформации является описательный перевод. Описательный перевод применяется, когда ни один из вариантов перевода слова, предложенных словарем, не удовлетворяет переводчика. В таких случаях он прибегает к описательному переводу. Данный вид трансформаций используется при переводе каких-либо культурных объектов или терминов. Следует отметить, что описательный перевод не является редкостью в переводах текстов научного характера.

Эмфатизация или нейтрализация применяется, чтобы избежать или, наоборот, добавить эмоциональную окраску слову. С данным видом трансформации следует обращаться довольно осторожно, т.к. он влияет на содержание коммуникации. Данный вид трансформаций употребляется в художественной литературе ненаучного характера.

Переводческий комментарий рассматривается Т. А. Казаковой в качестве дополнительного перевода, который сопровождается переводом, сделанным с помощью какой-либо лексико-семантической модификации. Данный вид трансформации используется в тех случаях, если одного перевода недостаточно, чтобы полностью осветить значение слова. В настоящее время переводческий комментарий получил широкое распространение в

переводческой практике. Данный вид трансформации часто применяется к переводам терминов различного характера или реалий.

Помимо трансформаций Т. А. Казакова в своей классификации выделяет особенности перевода фразеологизмов. По мнению Т. А. Казаковой существует несколько возможных способов перевода фразеологизмов. Сюда она включает дословный перевод, поиск аналогичных фразеологических единиц, имеющих общее значение, использование фразеологических словарей, а также перевод-объяснение переносного значения фразеологизма.

Таким образом, проанализировав выше перечисленные классификации, мы можем отметить, что все они достаточно полно и ясно описывают способы классификации переводческих трансформаций. В дальнейшем нашем исследовании мы будем придерживаться классификации, которую предлагает В. Н. Комиссаров.

Анализ фактического материала мы начнем с анализа лексических трансформаций, а именно транскрипции и транслитерации.

В тексте романа «Марсианин» встречается большое количество транскрипции. Это связано с тем, что в современном мире существует большое количество научных определений, которые лучше переводить в соответствии с произношением языка оригинала во избежание переводческих ошибок. В данном романе транскрипция используется в двух случаях. Первый случай, для перевода имен собственных или названий объектов, во втором случае, для перевода каких-либо технических деталей или общих понятий космонавтики. Нам известно, что транскрипция – это звуковое воспроизведение слова.

Обратимся к анализу фактического материала. В предложении “I have the *oxygenator*, a large piece of equipment that breaks CO₂ to give the oxygen back”. «В жилом модуле есть *оксигенатор*, здоровенная установка, разлагающая CO₂, чтобы высвободить кислород» мы видим, что слово «оксигенатор», то есть газообменное одноразовое устройство, для насыщения крови кислородом и удаления из нее углекислого газа, переводится одним словом. В следующем примере “I let one drop fall into the *iridium bowl*” «Затем капнул одну каплю в *иридиевую чашу*» лексема “iridium” также переводится с помощью транскрипции.

Приведем еще ряд примеров:

“We considered *Martian satellites*, Morris said. They’re way closer”. «Мы думали о *марсианских спутниках*, - сказал Моррис. – они намного ближе».

“All my brilliant plans foiled by *thermodynamics*”. «Термодинамика перечеркнула все мои блистательные планы». Такие понятия не составляют сложности и при их переводе применяют транскрипцию.

“The RTG (radioisotope thermoelectric generator) is a big box of *plutonium*”. «РТГ (радиоизотопный термоэлектрический генератор) – это большая коробка с *плутонием*». Здесь встречается сразу две транскрипции. В основном для переводов химических соединений применяется транскрипция, поскольку сами химические названия представляют сложность для понимания не только читателей, но и переводчикам.

В тексте встречаются названия космических аппаратов, при переводе которых также нельзя обойтись без транскрипции, например:

“One big bonus: e-mail! Just like the days back on *Hermes*, I get data dumps”. В данном примере говорится о «*Гермесе*», который курсировал с Земли на Марс. «Большой бонус: имейл! Как на старом добром «*Гермесе*», мне приходят дампы данных». В следующем примере речь идет об аппарате «*Айрисе*», который использовался, чтобы доставить провизию на Марс для Марка Уотни:

“By the way, the name of the probe we’re sending is *Iris*”. «Кстати, зонд, который мы собираемся тебе отправить, называется «*Айрис*». И последним ярким примером транскрипции, который мы рассмотрим в данном параграфе, является предложение: “*Schiaparelli?* Mitch gaped. That’s thirty-two hundred kilometers away!”. «*Скиапарелли?* – выдохнул Митч. – это тридцать две сотни километров!». В данном случае привычное нам сочетание английских букв “ch” переводится как «к». Это происходит из-за ассимиляции и более привычного для нас звука «к» нежели звука «ч».

Из рассмотренных нами примеров мы выяснили, что транскрипция играет немаловажную роль в переводе названий понятий и объектов.

Помимо транскрипции в тексте нам встретилось и транслитерация. Транслитерация не является редким явлением в переводе романа. В современной практике перевода транскрипция и транслитерация являются наиболее употребимыми. Так для предложения “Gone are the days of heavy chemical fuel burns and *trans-Mars injection orbits*” перевод звучит следующим образом: «Дни тяжелого химического топлива и *трансмарсианских орбит выведения* остались в прошлом. Из приведенного примера мы видим, что транслитерация является самой подходящей трансформацией для перевода определения “*trans-Mars injection orbits*”. Следующим примером чистой транслитерации является химический элемент argon аргон. Помимо чистой транслитерации в тексте встречаются примеры транслитерации

параллельно с калькированием. Сюда мы отнесем следующие примеры: “Hermes is powered by *ion engines*. They throw *argon* out the back of the ship fast to get a tiny amount of acceleration”. «У «Гермеса» *ионные двигатели*. Они выбрасывают *аргон* из задней части корабля с огромной скоростью, чтобы добиться мизерного ускорения». Помимо этого, еще один пример смешения двух видов трансформаций: “The thing is, it doesn’t take much *reactant mass*, so a little argon (and a nuclear reactor to power things) let us accelerate constantly the whole way there”. «Фишка в том, что большая *реакционная масса* здесь ни к чему, поэтому небольшое количество аргона (плюс ядерный реактор в качестве источника энергии) позволило нам поддерживать постоянное ускорение».

В следующем примере переводчик прибегает к транслитерации для перевода журналов миссии: “This is Mindy Park at SatCon. I need the *mission logs* for Ares 3...” «Это Майнди из спутникового центра. Мне нужны *журналы миссии* «Арес-три», а в последнем для обозначения траектории движения корабля: “It can’t get back to orbit, but it can go to the Ares 4 site on a *lateral trajectory* that’s, well, really scary”. «На орбиту не выберутся, но отправятся на место «Ареса-четыре» по *латеральной траектории*, которая, надо сказать, выглядит жутковато».

Из приведенных примеров мы видим, что транскрипция и транслитерация применяется для переводов технических устройств, химических соединений, некоторых терминов, а также для названий космических аппаратов.

Самым распространенным приемом переводческих трансформаций в нашем исследовании оказалось калькирование. В романе встречается множество примеров с калькированием, основными из них являются перевод терминов и каких-либо технических деталей или устройств. Благодаря калькированию происходит большое количество заимствований слов и выражений иностранного происхождения. В связи с тем, что в романе встречается множество примеров с калькированием, мы решили разделить данные примеры на пять групп.

К первой группе мы отнесли примеры, связанные с техническими деталями марсохода, МВА (марсианского взлетного аппарата) и МПА (марсианского посадочного аппарата). Сюда мы отнесем следующие выражения: “*external handles*” «*внешние ручки марсохода*», с помощью которых можно грузить камни на крышу марсохода, “*fuel tanks*” «*топливные баки*», “*rover pop-tents*” «*надувные палатки марсохода*» “*the charging port*” «*зарядочный люк*», через который Марк Уотни заряжал аккумулятор марсохода, “*the landing struts of the MVA*” «*посадочные опоры МПА*», “*reserve chute*” «*резервный*

парашют», *“onboard guidance”* «бортовое управление», *“a tow hook”* «буксировочный крюк», *“oxygen pump”* «кислородный насос».

Ко второй группе мы отнесли слова и выражения, связанные с деталями жилого модуля. В романе жилой модуль описан настолько детально, что в воображении читателя вырисовывается картина мрачного одинокого жилого модуля, стоящего посреди безграничной марсианской пустыни.

“Refrigeration system” «система охлаждения», *“an airlock”* «шлюз», *“reception antennae”* «приемная антенна», *“acceleration chairs”* «акселерационные кресла», *“the inner airlock door”* «внутренняя шлюзовая дверь», *“the atmospheric regulator”* «стабилизатор атмосферы», *“oxygen mask”* «кислородная маска», *“satellite dish”* «спутниковая тарелка», *“a spare water hose”* «запасной водяной шланг», *“water reclaimer”* «регенератор воды», *“a primitive distillery to boil piss”* «примитивный дистиллятор для выпаривания мочи». Конечно, обилие таких терминов затрудняет чтение романа, но не делает его менее интересным.

В следующую группу мы отнесли слова и выражения, описывающие технические детали космических кораблей: *“Ship’s control panels”* «системы управления корабля», *“mooring clamps”* «швартовочные зажимы», *“redundant flight computers”* «резервные полетные компьютеры», *“attitude thrusters”* «ориентационные двигатели», *“ion engines”* «ионные двигатели», *“reactant mass”* «реакционная масса», *“nuclear reactor”* «ядерный реактор», *“the nose airlock”* «носовой шлюз», *“the vehicular airlock”* «транспортный шлюз».

Роман погружает нас в космическое пространство, которое при этом продумано автором до мелочей. Без специальной лексики не обходится и описание курсирования космических кораблей. В следующую группу мы отнесли слова и выражения, связанные с космическими перелетами и передвижениями.

“A lateral trajectory” «боковая траектория», *“operational radius”* «оперативный радиус», *“lateral flight”* «боковой полет», *“long axis”* «продольная ось», *“centripetal gravity”* «центростремительная гравитация», *“emergency liftoff”* «экстренный взлет», *“intercept velocity”* «скорость перехвата», *“the centripetal force”* «центростремительная сила». Наличие такой лексики доказывает, что для таких космических перелетов нужно обладать специальными знаниями техники и физики, а также быть готовым к неизбежным трудностям в космосе, ведь в космосе другие законы, нежели на земле.

Конечно же, нельзя не упомянуть про самую таинственную и неизведанную до конца планету Марс. В следующую группу калькирования мы отнесем выражения, связанные с этой загадочной и так манящей человека

планетой. Уже на первых страницах романа мы сталкиваемся с такими выражениями как “*low Mars orbit*” «низкая орбита Марса», “*magnetic field*” «магнитное поле», “*sandstorm*” «песчаная буря» из-за которой Марк Уотни и оказался в заложниках красной планеты. Далее описывается безмолвный пейзаж раскинувшейся «Ацидалийской равнины» “*Acidalia Planitis*” и ужасающего своим размером «кратер Гамельн» “*Hamelin crater*”.

Конкретизация является еще одной переводческой трансформацией, без которой невозможен научно-технический перевод. В романе встречается множество примеров с данной трансформацией. Рассмотрим самые яркие из них.

В первом примере: “There’s also *the booster*,” Venkat said. “The only way to get a probe to Mars with the planets in their current positions is to spend a buttload of fuel”. «Есть еще *ракета-носитель*, - продолжил Венкат. – Единственный способ отправить зонд на Марс при нынешнем расположении планет – потратить уйму топлива». Из данного примера мы видим, что слово *booster* в данном значении переводится как «*ракета-носитель*», автор уточняет какую именно такую ракету нужно использовать в данной ситуации.

В следующем примере “The dense layer of Mars crap all over it protected it from long-term *solar damage*”. «Плотный слой марсианской грязи защитил его от *солнечной радиации*. Мы видим, что слово “*damage*” не переводится как «повреждение» или «вред», а, исходя из контекста, переводчик перевел это слово как «*радиация*».

Во многих случаях перевод специальной лексики зависит от контекста. Переводчик должен осознавать суть перевода, его контекст и только тогда подбирать всевозможные варианты перевода. Так в предложении “We could use cables from the *solar farm* as guylines”. «В качестве растяжек можно использовать кабели *солнечной установки*». Вместо «*солнечной фермы*» переводчик переводит «*солнечные установки*», которые астронавты хотели использовать в качестве растяжек от опрокидывания МВА.

В другом предложении “Once it lands here, they’ll ditch the heat shield, all the *life support stuff*, and a bunch of empty fuel tanks”. «Когда он приземлится с него снимут тепловой экран, всю *аппаратуру жизнеобеспечения* и парочку пустых топливных баков». Как мы видим, конкретизации подвергается слово “*stuff*” и вместо значения «материя» или «вещество» используется слово «аппаратура», более подходящее для данного контекста.

В другом примере мы видим следующее: “Iris needed an *orbital path*, and nobody knew when it would launch”. «Айрис нуждался в *орбитальной траектории*, однако никто не знал, когда его запустят. Слово “*path*” вместо

привычного нам значения «тропинка» «дорожка» приобретает значение «траектория».

В следующем примере “This is the flight director. Begin *launch status check*”. «Говорит летный директор. Начать *проверку готовности к запуску!*». Здесь переводчик не прибегает к дословному переводу, а обобщает, тем самым конкретизируя смысл высказывания.

В следующем предложении происходит замена слова с более широким предметно-логическим значением. Вместо простого «*контроля запуска*» переводчик выбирает «*центр управления запуском*». Рассмотрим это на примере:

“Huston, this is *Launch Control*, we are go for launch”. «Хьюстон, это *центр управления запуском*, все системы готовы».

Нельзя не упомянуть еще один яркий пример конкретизации в предложении: “A space center that housed mankind’s most advanced knowledge of *rocketry* yet had still failed to execute today’s launch”. Перевод звучит следующим образом: «Центр, вместивший большую часть накопленных человечеством знаний о *ракетостроении*, но не справившийся с сегодняшним запуском. Мы проанализировали значение слово “*rocketry*”, воспользовавшись электронным словарем «Мультитран», который выдает перевод как «*ракетное дело*», «*ракетная техника*». В переводе, как мы видим, переводчик употребляет слово «*ракетостроение*», тем самым выражая огорчение за неудачный запуск ракеты всему ракетостроению США.

В следующих предложениях переводчик также пользуется конкретизацией: “I’ll never understand why our *launch complex* is in the middle of the Gobi Desert”. Выражение “*launch complex*” в словаре «Мультитран» имеет значение «*пусковой комплекс*», но в переводе данное словосочетание переводится как «*космодром*», ведь именно так называется площадка для запуска космических кораблей или ракет в России: «Никогда не мог понять, почему наш *космодром* расположен посреди пустыни Гоби».

В следующем примере слово “*control*” переводится как «*управление*»: “Bruce continued, he won’t need the controls. We’ll ditch *the control panels* and all the power and data lines that lead to them”. «Поскольку Уотни не будет управлять кораблем, ему не нужны *панели управления*, - продолжал Брюс. Мы снимем все панели и всю идущую к ним проводку и линии передачи данных».

В другом предложении мы наблюдаем интересный пример приема конкретизации: “Go, Johanssen responded. *Recovery*, she continued. Go said Beck from the airlock. *Secondary recovery*”. «Готов, - ответила Йоханссен. –

Спасательная команда? – сказала Льюис. – Готов, отозвался Бек из шлюза. – *Резервная спасательная команда?* Из примера мы видим, что слово “*recovery*” и “*second recovery*” переводится как «*спасательная команда*» и «*резервная спасательная команда*». Ознакомившись с переводом данного слова в словаре, мы не нашли в списке предложенного значения, поэтому переводчик и воспользовался конкретизацией.

Перевод романа «Марсианин» также не обошелся без одной из самых распространенных переводческих трансформаций, такой как генерализация. Ранее мы отмечали, что генерализация – это замена слова с более узким значением на слово с более широким значением или наоборот. В предложенном ниже примере мы сталкиваемся с заменой слова с широким значением *breach kit*, т.е. инструмент для проделывания отверстия, на слово с более узким значением «ремонтный набор»: “Carefully reaching to the side of my helmet, I got the *breach kit*”. «Осторожно дотянувшись до боковой стороны шлема, я достал *ремонтный набор*».

В следующем примере генерализация применяется к словосочетанию “*landing sequence*”. Переводчик не переводит два слова по-отдельности, а дает общее значение перевода двух слов вместе: “We’re working on a release mechanism now. During the *landing sequence*, of course”. «Сейчас мы работаем над выпускным механизмом. Во время *посадки*, разумеется».

В предложении “Cutting the arm off the suit was easy; so was cutting along its length to make a rectangle. Those *shears* are strong as hell”. «Отрезать от скафандра руку было легко; разрезать ее вдоль и получить прямоугольник – тоже. Эти *ножницы* остры как бритва». В данном примере слово “*shears*” переводится как «ножницы». В словаре слово “*shears*” имеет значение как «*режущая машина*», «*механические ножницы*», «*большие ножницы*», но переводчик не уточняет, какие это именно ножницы, ведь смысл от этого не меняется.

В следующем примере переводчик также прибегает к генерализации:

“Rather than normal meal kits, most of the food was cubed protein bar material, which would still be edible even if Iris failed to deploy its *tumble balloons* and impacted at incredible speed”. Вместо обычных пайков большую часть груза составляли белковые кубики, которые остались бы пригодными в пищу, даже если бы «Айрис» не смогла выпустить *посадочные аэростаты* и врезалась в поверхность на огромной скорости».

Нельзя не отметить также следующий пример: “*Remote override*,” Johanssen said. “It’s designed to get the ship back if we all die or something. They can take over Hermes from Mission Control”. «*Удаленный контроль*, - сказала

Йоханссен. – он предназначен для того, чтобы вернуть корабль на Землю, если мы все погибнем». Является самым сложным из выше представленных примеров генерализации. В данном предложении *“Remote override”* переводится как «удаленный контроль», хотя слово *“override”* в своем значении варианта «контроль» вовсе не имеет. В таких сложных случаях и применяется генерализация, с целью донесения основной информации до читателя.

В следующем примере *“It includes the landing gear, the fuel plant, and anything else NASA figured it wouldn’t need for the trip back up to orbit”*. «Ступень включает посадочный механизм, топливную установку и прочее – то, что, по мнению НАСА, не требует для возвращения на орбиту. Генерализации подвергается словосочетание *“landing gear”*, поскольку переводчик обобщает понятие «колесные посадочные приспособления» на «посадочный механизм» во избежание фактической ошибки.

В следующем примере генерализации подвергается слово *battery*: *“I unplugged Rover 2’s battery and plugged in Rover 1’s”*. «Я отсоединил аккумулятор марсохода №2 и присоединил аккумулятор марсохода №1». Рассмотрев варианты перевода слова *“battery”* в словаре такие как «гальванический элемент», «батарея» или «аккумуляторный элемент» переводчик обобщил данное понятие и выразил его более понятным словом для читателя.

Приведем последний в данном параграфе пример генерализации: *“It only took me fifteen minutes to put a controller on a reserve power line, then another hour to go outside and run the line to where the battery used to be”*. Перевод звучит следующим образом: «Я потратил всего пятнадцать минут на то, чтобы присоединить регулятор к резервной линии питания, а затем еще час, чтобы выбраться наружу и протянуть провод к тому месту посадочного аппарата, где раньше стоял аккумулятор».

Модуляция или смысловое развитие – еще один из видов переводческой трансформации, который часто применяется в переводческой практике. С помощью модуляции в научно-технических текстах возможно логически вывести значение исходной единицы из контекста. Без модуляции не обходится и перевод исследуемого нами романа «Марсианин». Ниже мы рассмотрим примеры модуляции:

Первым в нашем списке будет предложение: *“Once we got to Hermes, four additional unmanned missions brought us fuel and supplies while we prepared for our trip”*. В данном предложении модуляции подвергается выражение *“unmanned missions”*, которое дословно мы можем перевести как «неуправляемая миссия». Важно отметить, что такой перевод не соответствует нормам русского языка, поэтому данное выражение переводчик перевел

как «беспилотники»: «Когда мы оказались на «Гермесе», четыре беспилотника доставили нам топливо и прочие ресурсы, а мы тем временем готовились к путешествию».

Следующее предложение также содержит яркий пример модуляции в переводе: “But they never used large RTGs on *manned missions* until the Ares Program”. Слово “*manned*” в словаре имеет следующие значения: «укомплектованный людьми», «с участием человека», «обитаемый». Переводчик придерживается стиля текста и в соответствии со всеми правилами употребляет слово «пилотируемый», которое часто встречается в области космонавтики: «Однако до программы «Арес» НАСА ни разу не использовало РТГ в пилотируемых миссиях».

Следующий пример содержит тот же принцип перевода, что и рассмотренный нами выше: “As long ago as the 1960s, NASA began using RTGs power *unmanned probes*”. В предложении также встречается слово “*manned*”, только уже с префиксом un-, который придает слову отрицательное значение и слово уже переводится как «беспилотный»: «Еще в 1960-х НАСА начало использовать РТГ для энергообеспечения беспилотных зондов».

В следующем предложении: “Then I’d nose up and return to *preprogrammed ascent*” (Weir 2014: 138) модуляции подверглось слово “*preprogrammed*”. Данное слово можно считать ложным другом переводчика, поскольку первое, что приходит в голову это слово «перепрограммированный». В данном примере это слово имеет значение «заранее запланированный» и в переводе мы видим следующее: «Затем подниму нос и вернусь к запланированному взлету».

Перейдем к следующему примеру: “Normally, an *incident-free launch* would be cause for celebration” (Weir 2014: 143). В данном примере переводчик очень удачно использовал прием модуляции, тем самым дав ему эквивалент, заменив выражение «свободный от инцидента» на «успешный»: «Обычно успешный взлет приветствовали аплодисментами».

Следующий пример показывает, насколько грамотен переводчик в научном переводе, насколько он владеет терминами и понятиями из области космонавтики. Так в предложении: “Beck tried not to think about the painful reason he was doing *zero-g* plant growth experiments” (Weir 2014: 143) выражение “*zero-g*”, т.е. zero gravitation «нулевая гравитация» переводится как «невесомость»: «Бек старался не думать о болезненной причине, по которой экспериментировал с ростом растений в невесомости».

В следующем примере переводчик ловко перефразировал выражение «молоток для камней» в «бурильный молоток», ясно объясняя читателю

сущность предложения: “Our experiments show a *rock sample drills* can get through the hull”. «Согласно нашим экспериментам, *бурильный молоток* может прорезать корпус». Более того, слово “*hull*” подвергается конкретизации. Словарь Мультитран выдает около тридцати значений данного слова, и, исходя из контекста, переводчик выбирает значение «*корпус*», в данном значении корпус марсохода.

В следующем предложении: “Problem: The drills weren’t designed for construction projects. They were intended for quick *rock samples*”.

Словосочетание “*rock samples*” благодаря правильному подходу переводчика переводится как «*образцы грунта*», а не камней: «Проблема: молотки предназначены не для конструкторских проектов, а для быстрого взятия *образцов грунта*».

Другой пример показывает, что переводчик постоянно работает с техническими текстами и может без сомнения подобрать правильный эквивалент переводу: “Then I had to *rewire a drill*. Pretty much the same thing I did with Pathfinder”. «Затем я снова *электрифицировал* молоток – примерно таким же образом, как «Патфайндер». В словаре нет варианта такого перевода, но есть другие, такие как «*заменить проводку*», «*перепрошить*» или «*соединить заново*», с помощью которых можно дать общее определение выражению.

Следующее предложение является ярким примером модуляции. Рассмотрим его более подробно: “The solar cells were still detached from the farm, so I had to leave the Hab in *low-power mode*” (Weir 2014: 239). Так выражение “*low-power mode*” в контексте научного текста приобретает значение «*режим энергосбережения*»: «Я так и не вернул на место солнечные панели, и пришлось оставить жилой модуль в *режиме энергосбережения*».

В последнем предложении, в котором мы рассмотрим пример модуляции, слово “*quick-reaction*” – «*быстрое реагирование*» передается как «*быстродействующий*»: “They rotate the ship. They’re not made for thrusting it. *Hermes* doesn’t have *quick-reaction engines*” (Weir 2014: 349). «Они поворачивают корабль, а не толкают его. У «Гермеса» нет *быстродействующих двигателей*».

Таким образом, мы видим, что модуляция часто встречается в текстах научного характера. Данный переводческий прием помогает сохранить логическую связь и смысл предложения, а также сделать перевод понятным для любого рода читателей.

Лексическое добавление применяется в тех случаях, чтобы правильнее и понятнее передать смысл предложения. Для этого переводчику необходимо ввести в перевод одно или несколько дополнительных слов. Перевод научно-фантастического романа «Марсианин» содержит несколько

примеров предложений с лексическим добавлением. Рассмотрим лексические добавления на примере романа «Марсианин».

В переводе романа переводчик прибегает к лексическим добавлениям, чтобы правильно отразить смысл предложений, и чтобы читателю была понятна каждая деталь написанного.

“After an hour and a half of sustained wind, NASA gave the order *to abort*”. «После полутора часа такого ветра НАСА приказало *прервать выполнение миссии*».

Глагол “*to abort*” означает «*прерывать что-либо*», «*прекращать*», но без дополнительных слов эта фраза остается нераскрытой, следовательно, применяется лексическое добавление.

“I’d spent a week back on Earth practicing *emergency space suit drills*. I knew what to do”. «На Земле я целую неделю отработывал *чрезвычайные ситуации в космическом скафандре* и теперь знал, что делать». Лексическое добавление в данном примере напрямую зависит от контекста. Из предложения понятно, что космонавты тренируются в скафандрах, и в переводе это ясно отражено.

В следующем примере переводчик совершает лексическое добавление к слову “*outings*”, которое имеет значение «*вылазка*», «*прогулка*», поскольку действие происходит на Марсе, переводчик вправе воспользоваться данной переводческой трансформацией для более точного определения:

“So I spent the last few hours checking everything I could. Commander Lewis had *two outings* in Rover 2”. «Поэтому последние несколько часов я потратил на всевозможные проверки. Капитан Льюис совершила *пару выездов на марсоходе номер два*».

“Over the last twenty days, a team of JPL engineers had worked around the clock to piece together antiquated computers, repair broken components, network everything, and install hastily made software that allowed the old systems to interact with the modern *Deep Space Network*”. «Последние двадцать дней команда инженеров ЛРД работала сверхурочно, собирая устаревшие компьютеры, ремонтируя сломавшиеся детали, соединяя все это в сеть и устанавливая поспешно написанное программное обеспечение, позволяющее старым системам взаимодействовать с современной *Сетью дальней космической связи*».

В данном примере действуют уже две переводческие трансформации. Словосочетание “*Deep Space Network*” – «*Сеть дальней космической связи*» переводится с помощью лексического добавления, т.к. без него перевод на русский язык не будет соответствовать нормам русского языка. В данном

примере мы также видим уже грамматическую трансформацию – объединение предложений, и на русский язык переводчик записывает его с помощью однородных членов.

“*The panorama is due back in a few minutes*”. «Через несколько минут мы получим *панорамный снимок*. Будем держать вас в курсе».

В данном примере к слову “*panorama*” в переводе добавляется слово «снимок», из предложения становится понятно, что сотрудники говорят о снимках с Марса.

“There’s no way to get *the lander* in the airlock. It’s just too big”. «Протащить *посадочный аппарат* сквозь шлюз не получится. Он слишком большой». В данном предложении слово “*the lander*” может переводиться только с помощью лексического добавления для сохранения смысла и лексических норм русского языка.

“Once it *pressurized*, he quickly doffed his suit. Having climbed the ladder to the crew compartment, he slid into the pilot’s couch and booted the system”. «Когда *давление выровнялось*, быстро сбросил скафандр, вскарабкался по лестнице в отсек для экипажа, сел в кресло пилота и запустил систему.

В русском языке слово “*pressurize*” не может переводиться одним словом, поэтому используется словосочетание «*выровнять давление*». Более того, как и в предыдущем примере, переводчик использует грамматическое объединение предложений, объединяя предложения однородными членами.

Из рассмотренных нами примеров мы видим, что в одном предложении не редкостью является использование нескольких видов трансформаций. В проанализированном выше примере мы наблюдаем модуляцию и лексическое добавление.

Модуляции подвергается первая часть предложения “Before I *was* in contact with NASA...” «Прежде чем *появилась* связь с НАСА...», а во второй части предложения появляется лексическое добавление слова «*в день*», поскольку в английском варианте это слово не употребляется. I would have worked more than eight hours, «...я мог работать больше восьми часов *в день*».

“I can stay out for ten before even dipping into “*emergency*” air”. «Мог проводить снаружи по десять часов, прежде чем прибегнуть к «*аварийному*» *запасу воздуха*».

Из примера видно, что словосочетание “*emergency*” air подвергается переводческой обработке за счет расширения определения.

“We need a booster capable of not only escaping *Earth’s gravity* but matching Hermes’s current velocity”. «Нам требуется ракета-носитель, способная не

только выйти из *поля притяжения Земли*, но и сравняться с нынешней скоростью «Гермеса». В данном примере “*Earth’s gravity*” переводчик для полного раскрытия смысла словосочетания немного модифицирует его и получается «*поле притяжения Земли*».

“Beck floated in the airlock, *tethered* to a wall-mounted spool”. «Бек парил в шлюзе, *привязанный страховочным тросом* к настенной катушке.

В английском языке существует множество слов, которые на русский язык переводятся словосочетанием. Не исключением является и глагол “*tether*”, который, как мы видим, в предложении переводится как «*привязанный страховочным тросом*».

“I want the outer door unharmed, so we keep our smooth *aerobraking shape*”. «Хочу, чтобы внешняя дверь не пострадала, и мы сохранили гладкий *профиль для аэроторможения*». В данном примере для перевода “*aerobraking shape*” применяется лексическое добавление «*профиль для аэроторможения*», с целью сохранить синтаксическую зависимость в русском языке.

Лексическое опущение является прямой противоположностью лексическому добавлению. Лексическое опущение применяется для опущения тех лексических единиц, которые не несут важной смысловой информации. Данная трансформация широко используется в переводе романа «Марсианин». Рассмотрим некоторые примеры лексического опущения.

“Gone are the days of heavy chemical fuel burns and *trans-Mars injection orbits*”. «Дни тяжелого химического топлива и *трансмарсианских орбит* остались в прошлом». В данном варианте опускается слово “*injection*”. Данное слово в словаре означает «*выведение*», «*внедрение*» или «*ввод*». Переводчик посчитал, что данное слово не несет основной смысловой нагрузки и изъясил его в переводе.

“But the space suits have to be portable, so they use a *simple chemical absorption process with expendable filters*”. «Однако скафандры должны быть портативными, а потому в них используется *простая химическая абсорбция со сменными фильтрами*».

В данном примере опускается слово “*process*” – процесс, переводчик посчитал, что данное слово можно опустить, так как химическая абсорбция сама по себе уже представляет собой химический процесс.

“I ran a full diagnostic on the oxygenator. If anything goes wrong with it, there’s a short-term spare *I can use*”. «Я провел полную диагностику оксигенатора. Если с ним что-то случится, у меня есть временный запасной». В

данном примере переводчик опускает выражение “*I can use*”, посчитав его неуместным в варианте русского перевода.

“I can stay for a day or two, tops, before the *filters from the rover* and my space suit *fill up*”. «Через день-другой фильтры марсохода и моего скафандра придут в негодность». В данном предложении опущению подвергается предлог “*from*” из словосочетания “*filters from the rover*”. Если не применять лексическое опущение, то в русском варианте перевод будет звучать как «*фильтры из марсохода*», но такой перевод не является грамотным, поэтому предлога “*from*” в переводе нет. Более того, в данном предложении применяется контекстуальная замена в выражении “*fill up*”. Из словаря «Мультитран» мы выяснили, что данное выражение переводится как «*переполненный*» или «*сытый по горло*», в данном предложении заложен иной смысл, а именно «*прийти в негодность*».

Очень часто в английском языке встречаются слова или выражения, которые переводятся на русский язык одним словом. Так значения слов “*storage tanks*” переводится как «*резервуары*»:

“Heating unit, primary battery array, O₂ and N₂ *storage tanks*, water reclaimer...”. «Нагревательный элемент, первичные батареи, *резервуары*, генератор воды...».

“Commander Lewis and the surviving crew, *via long-range communication* from *Hermes*, gave eulogies for their departed comrade from deep space”. «Капитан Льюис и выжившие члены экипажа *по дальней связи* «Гермеса» сказали слова о своем погибшем товарище».

В данном предложении длинное выражение “*via long-range communication*” сокращается и в переводе звучит как «*дальняя связь*», остальные слова будут лишними, поскольку никакого нового значения они не откроют.

“I have limited paper to work with. These cards were intended to *label batches of samples*”. «Мои запасы бумаги ограничены. Эти карточки предназначались для *этикеток на образцах*». В данном примере слово “*batches*” изымается из перевода, без него переводчик смог подобрать перевод и не исказить смысл выражения. Более того, в тексте присутствует грамматическая замена. Глагол “*to label*” «*наклеивать*» или «*надписывать*» заменяется существительным «*этикетки*».

“The employees carefully folded the sheet and placed it in an argon-filled *airtight shipping container*”. «Сотрудники аккуратно свернули полотно и поместили в наполненный аргоном *герметичный контейнер*».

Как мы видим, в данном предложении переводчик пропускает в переводе слово “*shipping*”. В словаре оно имеет значение «*судоходный*» или

«отправочный», поскольку без данного слова смысл предложения не искажается.

“If one loses pressure, the other will instantly *seal off the shared lines*”. «Если в одном отсеке произойдет разгерметизация, второй мгновенно *перекроет все соединения*». В приведенном предложении выражение “*shared lines*” обобщается и переводится одним словом «*соединения*».

“Beck floated in the airlock, tethered to a *wall-mounted spool*”. «Бек парил в шлюзе, привязанный страховочным тросом к *настенной катушке*».

В данном предложении слово “*wall-mounted*” также, как и в предыдущем примере обобщается, и переводчик в переводе выдает общее значение данных слов «*настенный*».

Помимо всех вышеперечисленных лексических переводческих трансформаций в переводе романа «Марсианин» встречается контекстуальная замена. Ранее мы выяснили, что контекстуальная замена применяется в тех случаях, когда ни один из вариантов перевода слова не подходит, поэтому слово или выражение переводится в зависимости от контекста. В проанализированном нами русском варианте перевода романа контекстуальная замена встретилась нам несколько раз. Рассмотрим данные примеры подробнее.

“They’ll launch next year during *the Hohmann Transfer Window*, and it’ll take almost nine months to get here”. «Запуск назначен на следующий год, с использованием *траектории Гомана*, и добираться сюда зонд будет почти девять месяцев». Из данного примера мы видим, что выражение “*the Hohmann Transfer Window*” переводится как «*траектория Гомана*». Слово «*траектория*» вовсе не употребляется в английском варианте, слова “*Transfer Window*” заменяются в русском варианте словом «*траектория*».

Следует добавить, что поскольку данный роман рассчитан на широкую публику, и может читаться не только физиками и астронавтами, но и специализированной аудиторией, поэтому в переводе романа переводчик использует ссылки в конце страницы, для пояснения определения. Так «*траекторию Гомана*» переводчик определяет, как «эллиптическую орбиту, используемую для перехода между двумя другими орбитами, обычно находящимися в одной плоскости»».

“Start to finish, including *supply missions*, a Mars mission takes about three years”. «От начала до конца, включая *доставку припасов*, марсианская миссия занимает около трех лет».

Из предложенного примера мы видим, что выражение “*supply missions*” переводится как «*доставка припасов*», где слово “*missions*” заменяется на

«припасы». Данная замена является лаконичной и понятной для любой читательской аудитории.

“As an astrodynamacist, Rich rarely had *to work late*”. «Ричу, как специалисту по астродинамике, редко приходилось *засиживаться допоздна*». Данное предложение является ярким примером контекстуальной замены. Выражение “*to work late*” заменяется фразой «*засиживаться допоздна*». Контекстуальная замена, как и в данном примере, используется, чтобы сделать перевод более красочным и избежать тавтологии в переводе.

“My second try, *the EVA threw everything off*”. «При второй попытке *дело испортил скафандр*». Из примера и перевода ясно видно, что контекстуальной замене подвергается выражение “*the EVA threw everything off*” «*дело испортил скафандр*». Как мы помним “*the EVA*” в романе это внекорабельная деятельность, но в данном случае переводчик переводит это слово как «*скафандр*». Это происходит потому, что далее Марк Уотни рассказывает, как ему было сложно справиться со скафандром на открытом марсианском пространстве, поэтому данная замена является наиболее удачной.

Таким образом, в настоящей работе мы провели детальное исследование применения лексических переводческих трансформаций при передаче англоязычных научно-фантастических текстов, выяснив, что ведущими трансформациями являются калькирование, транскрипция и транслитерация.

Глава 4. Мир представлений современной терминологии: сопоставительно-мотивологический аспект

Актуальный образ теории сопоставительной мотивологии создается в широком контексте современных проблем языкознания: прикладное значение описания мотивационных связей в терминологии занимает важное место в профессиональном образовании и культуре специалистов различных отраслей науки и производства. Билингвальные отраслевые словари нового типа являются продуктом высокой профессиональной культуры, а их типологическое исследование в сопоставительном аспекте широко представлено в научном дискурсе.

В области развития исследования связи языка, мышления и культуры в терминотворчестве перспективными являются концепции и гипотезы мотивационных связей терминов.⁵² Проблемам терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте посвящены работы ряда исследователей-лингвистов.⁵³ Вопросы описания мотивационных связей слов в словарях отражены в работах А. Д. Жакуповой, С. Савенко, А.В. Шевчик, Н.В. Шафтельской. Терминологические словари и их роль в отраслевом образовании рассматриваются как объект перспективного и «важного национального дела» (С.Г. Казарина С.Д. Шелов, К.Я. Авербух, О.М. Карпова, Г.В. Шуракова, И.А. Лайтадзе и другие). Названные направления рассматриваемой научной парадигмы вносят существенный вклад в разработку многих вопросов сопоставительной мотивологии, отражая ментальность языковой и научной картины мира.

⁵² Карлинский Е.А. Принципы, методы и приемы лингвистических исследований. – Алматы, 2003. – С. 56. Копыленко М.М. Мотивация как фактор развития языка // Русистика сегодня: Инс-т. русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – 1996. – №4. – С. 3-16. Курманбайулы Ш. Қазақ лексикасының терминдену үрдісі: Филол. ғыл. докторы дис. авторефераты. – Алматы, 1997. – 55 б. Блинова О.И. Явление мотивации слова. – Томск, 1984. Гинатуллин М.М. К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц): Автореф. ...дис. канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1986. Жаналина Л.К. Номинация как форма речевой деятельности: автореф. ... докт. филол. наук. – Алматы, 1994. Теммерман Р. Теория термина и терминология. 1998. – Т.3-2.

Лейчик В.М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминологии как ведущей научной дисциплины XX–XXI вв. // Когнитивная лингвистика. – М.: 2007. – С. 124. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в терминологии. – М., 1989. – С. 4-43. Новодранова В.Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: Сб. научн. тр. – М.: Рязань, 2003. – С. 83-86.

⁵³ Лейчик В.М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминологии как ведущей научной дисциплины XX–XXI вв. // Когнитивная лингвистика. – М.: 2007. – С. 124. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в терминологии. – М., 1989. – С. 4-43. Новодранова В.Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: Сб. научн. тр. – М.: Рязань, 2003. – С. 83-86.

В настоящей работе в духе сопоставительной мотивологической теории в прикладном аспекте рассматриваются вопросы описания мотивационных связей терминов на иллюстративном материале терминов-зоонозов в русском и казахском языках. Главная функция мотивированности термина – способность отражения признаков и свойств фактов реальной действительности и результатов человеческого мышления – признается в нашем исследовании как константность функции и позволяет проводить исследование на материале современных разносистемных языков (русского и казахского).

Общие принципы составления словаря мотивологического типа не отступают от принципов, свойственных лексикографическому жанру: алфавитное расположение слов-терминов с описанием мотивом, определяющих основу наименования термина.

Термины получают мотивологические определения, с нужной полнотой раскрывающее его значение, включая и историко-культурные сведения. Мотивологическое осознание термина содержит латинское обозначение в качестве *tertium comparationis*, характерное для медицинских терминов, в том числе и ветеринарной медицины. Русско-казахский словарь мотивологического типа вводит в научный оборот принципиально новый объект мотивологического анализа, который позволяет по-новому увидеть различия и сходства в образах научного мира генетически разных народов. Основным инструментом построения мотивологического словаря является широко используемая в мотивологии методика мотивологической деятельности социума по О.И. Блиновой.⁵⁴ С помощью этого метода можно судить об особенностях функционирования языкового сознания исследователя и способах образования слов-терминов. Материалы мотивологического русско-казахского словаря можно рассматривать как специфичный мотивологический резюме образов сознания, интегрирующий в себе научные и этнокультурные знания, которыми владеет тот и или иной этнос. Такой словарь дает возможность аналитику-исследователю проникнуть в мир образов носителей двух различных культур и выявить их сходства и различия. Этому будет способствовать выявленная и описанная на материале эпизоотологической терминологии, а именно терминов-зоонозов в русском и казахском языках, система мотивом.

Система мотивом
1 “Род микроба”

⁵⁴ Блинова О.И. Там же.

Лат. Pasterellozis рус. и каз. *Пастереллез*. Возбудитель болезни *pasteurella multocida* – небольшая бактерия пастерелла. Бактерия названа в честь ученого Пастера за его выдающиеся заслуги в микробиологии.

Лат. Leptospirosis, рус. и каз. *лептоспироз*. Возбудитель болезни *Leptospira* (*leptos* – *мелкая*, *spira* – греч. *спираль*). Лептоспиры имеют вид тонких серебристых нитей, обладающих разнообразными движениями.

Лат. Brucellosis: рус. и каз. *бруцеллез*. Возбудитель болезни *Brucella* – неподвижные микробы палочковидные и 0-видные. Микроб получил название в честь ученого Д.Брюса, выделившего возбудителя этой болезни.

Лат. Melioidosis: рус. и каз. *мелиоидоз (ложный сеп)*. Возбудитель болезни *Pseudomonas pseudomallei* – тонкая подвижная палочка, палочковидная бактерия с закругленными концами, мотивом названия бактерии послужило в латинском языке сходство бактерии по форме с молоточком 'malleolus' (перенос по сходству; росток, отводок).

Лат. Salmonellosis: рус./каз. *сальмонеллез*. Возбудитель болезни бактерия рода *Salmonella*. В 1885 г. ученый Сальмон выделил опытным путем первого представителя обширной группы сальмонелл. В честь заслуг исследователя международное общество микробиологов в 1934 г. рекомендовало именовать бактерии этой группы сальмонеллами.

II «Вид»

Многочисленные термины-зоонозы специализированы отражением в названиях вида бактерии. Случаи такой мотивированности не носят принципиальный характер в области специальных знаний в ветеринарной медицине. Вероятно, это пример исторически складывающихся названий болезней. Они являют собой заимствования из греко-латинских источников.

Лат. Tuberculosis, рус. и каз. *туберкулез*. Возбудитель болезни – микроб *Tuberculosis*. В латинском соответствии название микроба ассоциируется со спецификой течения болезни: болезнь характеризуется образованием в различных органах особых узелков – туберкулов, в переводе с латинского *tuber* – *нарост, шишка*. В русском разговорном языке можно встретить калькированное название туберкулеза, устар. '*бугорчатка*', а в казахском языке название *koksau*.

Лат. Necrobacteriosis: рус. и каз. *некробактериоз*. Название возникло от имени возбудителя болезни *Bacterium necroforum*. В транслитерированном русско-казахском названии представлен сложным образованием с первым компонентом некро (греч. *nekros мертвый*) 'омертвление в живом органе какого-либо органа или ткани' и вторым компонентом «бактериоз» (греч. *bacteria палочка*). Латинское обозначение болезни передало в названии зооноза связь с клиническими признаками болезни: "*некробактериоз* –

инфекционная болезнь, характеризующаяся некротическими поражениями” читаем в специальной ветеринарной литературе.

Лат. Pseudotuberculosis: рус. и каз. *псевдотуберкулез*. Этот зооноз недостаточно изучен, протекает с признаками, внешне сходных с туберкулезом. По совместной классификации возбудителем болезни является бактерия Pseudotuberculosis. Внешне сходные признаки болезни с признаками туберкулеза дали основание ученым назвать болезнь ложным туберкулезом. Первый компонент названия болезни pseudo (греч. pseudos *ложь*) означает *ложный*. В казахском языке можно встретить калькированный первый компонент *псевдо*, передающий название болезни словосочетанием zhalgan туберкулез - 'ложный' туберкулез.

Лат. Colibakteriosis: рус. и каз. *колибактериоз*. Название зооноза ассоциировано в латинском обозначении с названием бактерии, порождающей болезнь. Первый компонент coli от греч. kolon '*толстая кишка*', второй компонент от греч. bacteria – *пал(оч)ка*, все буквально можно прочесть так: *палочка (бактерия) в кишке*, в переводе на современный язык данное обозначение должно звучать *как кишечная палочка*. В специальной литературе по ветеринарной медицине находим следующее описание болезни: “...*колибактериоз – острая инфекционная болезнь, проявляющаяся поносом, признаками тяжелой интоксикации...*”. В русском языке зооноз *колибактериоз* имеет свои дуплеты – колиинфекция, эпирихиоз. В исторической справке описано, что впервые возбудителя болезни выявил ученый Эпирих, в честь которого микробы были названы и эпирихиями, отсюда *эпирихоз*.

Лат. Pullorosis: рус. и каз. *пуллороз*. Болезнь в основном в естественных условиях поражает птиц, поэтому бактерия, вызывающая данный зооноз, названа *pullorum* от лат. pullus '*цыпленок*'.

Лат. Paralysis рус. и каз. *паралич*. Возбудитель болезни – вирус Paratovirus paralysis, поэтому греч. paralysis '*расслабление*' легло в основу названия болезни. Больные животные, пораженные этим вирусом, утрачивают способность к действию, теряют двигательную функцию группой каких-либо мышц вследствие поражения нервной системы. В русский язык 'паралич' пришел через польское paraliz из лат. paralysis, болезнь называют метафорично *черной болезнью* вследствие того, что она вызывает массовую гибель пчел. В казахском языке существуют такие народные названия как *sal auru, saldanu*.

Лат. Hafnia рус. и каз. *гафниоз*. Бактерия, вызывающая болезнь, названа по названию места открытия болезни (позднелат. Hafnia) Hafnia alvei Гафния.

Лат. Ascospaerosis рус. и каз. *аскосфероз*. Болезнь вызывает гибель пчелиных личинок с последующей мумификацией. Мумии личинок очень

твердые, имеют серовато-белую окраску и выглядят как известковые, отсюда и произошло народное название болезни в русском языке – *известковый расплод*. Латинское же обозначение произошло от названия бактерии болезни *Ascospaera apis* – *грибковый вирус*: греч. ascos 'мешок', 'сумка' означает орган размножения у грибов. В казахском языке не находим аналога русскому народному названию известковый расплод, т.к. казахам исторически не было свойственно заниматься пчеловодством, поэтому в данном случае мы обнаруживаем присутствие лакуны в терминологической карте казахского языка.

III «Анатомические признаки»

Лат. Rinotracheitis infectiosa bovum, рус. *инфекционный ринотрахеит крупного рогатого скота*. Данная болезнь характеризуется воспалением верхних дыхательных путей. Зооноз является интернационализмом, сохранившем внешнюю форму единицы международной латинской терминологии. Латинское обозначение сохраняет свою первичную мотивированность: греч. tracheia 'дыхательное горло, расположенное между гортанью и бронхами... В анатомии животного и человека горло и нос, как известно, относят к верхним дыхательным органам.

Компонент данного сложного зооноза *инфекционный* классифицирует заразность болезни, указание вида животного в некоторых названиях болезней обязательно в ветеринарной терминологии, т.к. различные виды животных имеют свою специфику симптомов и течения болезни: каз. *siyrdin jukpali rinotracheiti*. Казахское соответствие данного термина представлено как результат калькирования дополнительных компонентов названия болезни, но сохранившее основной компонент в его латинизированном виде. Различие в соответствиях компонента *крупный рогатый скот*. В казахском языке не существует понятия *рогатый скот*, эквивалентом ему является словосочетание *iri kara*. Поэтому в данном термине читается *siyr* как *крупный рогатый скот*.

Лат. Mastitis infectiosa ovium: рус. *инфекционный мастит овец*. Мастит образовано от греч. mastos 'грудь'. Во многих случаях механизм усвоения иностранных терминов такой же, как и в литературном. Этим можно объяснить широкое распространение медицинской лексики в русском литературном языке. Русский эквивалент представлен транслитерированным латинским названием без окончания -os с помощью словообразовательного элемента -it.

Каз. zhukpali mastit. Казахское название основное значение передается без изменения его русского соответствия. Дополнительный компонент передается калькированием: zhukpaly 'инфекционный', 'заразный'. В

казахском языке имеет место и национальное название болезни как *zhelinsau* от *zhelin* 'вымя'.

Лат. *Paronychia contagiosa*: рус. *копытная гниль*. Болезнь характеризуется воспалением межкопытной щели, распадом копытного рога и хромотой. Название возникло как отражение части тела и симптомов болезни. Характерно, что лат. *paronychia* от греч. *para* – *возле, около* + (*onychos*) *ноготь* передает прямое отражение названия болезни через соматический признак.

Каз. *curt bacau* передает ассоциацию процесса гниения с червем, ср. *яб-локи червивеют/almalarga kurt tusedi*. Хотя в казахском языке существует прямое соответствие русскому *гниль shirik*, употребление слова *kurt* связано с постоянной ассоциацией с больными органами. Причина – отсутствие слова *микроб* в лексике народа.

Лат. *Pleuror pneumonia*: рус. *плеввропневмония*. Сложное название, образованное на основе сложения основ с помощью гласной *o*, по типу существительное + существительное. Латинское обозначение болезни отражает пораженные микробом органы: плевра *pleura* 'бок' – тонкая соединительная оболочка, покрывающая легкие, пневмония *pneumon* 'легкое', т.е. название болезни носит буквальные обозначения больных органов. Сравните народные названия болезни – *воспаление легких* в русском языке, *ala okpe, tas okpe* (у коров), *kobenek* (у коз) в казахском языке. Одним из главных компонентов названия зооноза и в русском, и казахском языках является анатомический орган *легкое* 'окре'. В казахском языке при этом эпизоотологизм дифференцируется по виду животного ввиду особой значимости животных в жизни кочевых народов в отличие от народов, ведущих оседлый образ жизни, а также как отличительный признак носитель языка выделяет цвет пораженного органа – *ala* 'пестрый', буквально *пестрое легкое*, видимо, потому, что больное легкое плотное на ощупь и пронизано широкими линиями красновато-желтого цвета. Многовековые эмпирические знания народа отразились в знании анатомии как человека, так и животных.⁵⁵ Это означает, что народ знал все органы и части животного организма и их основные функции и отразил свои знания в названиях болезней. В русском языке факт заимствования из латинского языка посредством польского нашел отражение в лингвистическом источниковедении. В "Травнике Серпуховского воеводы Ф.А. Бутурлина" в приложении-перечне латинских и славянских наименований заболеваний выделены отдельные ЛСТ, например, "наименование заболеваний с *"зимние причины"*... *плеуры сиречь болячки, которые бывают*

⁵⁵ Русско-казахский словарь / Под ред. Г.Г. Сауранбаева. – М.: Гос. издат., 1954. – 935 с.

на легкомъ л.31”⁵⁶. Лат. *Hepatitis*: рус. и каз. *гепатит*, буквально с греч. *hepar* *печень* – воспаление печени.

IV «Психофизиологическое состояние»

Данная мотивема объединяет названия, в которых нашли отражения изменения в поведении, психике больных животных. Для этой группы зоонозов выделяется “внешний признак”.

Лат. *Rabies*: рус. *бешенство*. Международное латинское название болезни произошло от лат. *rabidus*, означающее *бешеный, яростный*. Поведение животного, пораженного вирусом заболевания мозга, характеризуется агрессивностью, высокой степенью возбудимости, раздражения. Отсюда и название. Э.Фасмер так описывает слово *бешенство*: “...бешенство – бес. укр. *біс*, ст.-слав, в^ась, болг. *бесм* – *ярость, слов, вес* – *злой дух*”. В русском разговорном языке встречается выражение *прийти в бешенство, вести себя как бес*. Каз. *kuturu* также означает *неистовство, ярость поведения больного животного, буйство в больном состоянии*.

Лат. *Febris*: рус. *лихорадка*. В.Даль так описывает это слово 1) “лиховать – сиб. *'быть больным'*, лихорадка в знач. легкой горячки, общего воспаления состояния крови; 2) со значением *злой, злобный*. М. Фасмер представляет⁵⁷ значение слова *лихорадка* как синоним слова *лихоманка*: “лихоманка – *лихорадка, малярия*” табуистическое название от *'лихоманки'* – *'плутовка'*, *лихоманить* – *причинять зло, наносить вред*. Лихорадка – собст. *'рада лиху'* – табуистическое название (чтобы не “прогневить” болезнь, надо умиливать ее, быть ей родным). В современном русском языке *лихорадка* означает воспаленное состояние организма, сопровождающееся высокой температурой. В некоторых случаях у больных животных язык приобретает фиолетовый цвет: по этому признаку болезнь в народе называли *синим языком, а также трясцой, ворогушей*.

Каз. *bezgek* *'лихорадка'*. *Bez* – *'испытать отвращение, неприязненный'*. В словаре Э. Севортына⁵⁸ отмечается начало слова от тюрк. *Bizgek* – *лихорадка, тат. бизгэк* – *лихорадка*. Во всех источниках отмечается источник слова — глагол в[аз] – относитель действия с помощью суф. -(а)к, – *дрожь, озноб*. Синоним каз. *kizba*– от *kizu* – *нагревать*.

Существует множество видов лихорадки. Одна и та же болезнь в различной обстановке может развиваться по-разному в зависимости от природно-климатических факторов, например, мальтийская лихорадка,

⁵⁶ Севортыан Э. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1974-1980. – Т. 1-3.

⁵⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / Под ред. и с предисловием Б.А. Ларина. Изд. 2-е, стереотип. – М.: Просвещение, 1986-1987. – Т. 1-4.

⁵⁸ Севортыан Э. Там же

лихорадка долины Рифт, Омская лихорадка.

Лат. *Scabies*: рус. *чесотка* – от чесать, скрести, царапать тело от зуда, долговременная сыпь с сильным зудом – так описывает слово В. Даль⁵⁹. Каз. *kischima kotir* – *зудящая сыпь*. Народные названия – *kirschanki*, *kum sirke*.

Лат. *Malleus*: рус. *сап*. Латинское название в первичной мотивации метафорично. *Malleus* буквально молоточек, а микроб, вызывающий болезнь, по форме напоминает молоточек, отсюда такое латинское обозначение зооноза. Но в русском языке название имеет свою мотивацию. Одним из признаков болезни является влажный хрип, кашель, усиленное дыхание. В ФЭСРЯ⁶⁰, отмечается происхождение русского *сопение* от укр. *сап.*: явление, связанное с чередованием гласных с *сопля*, *сопеть*. В. Даль так описывает *сап*: “*сап* или *соп* (*сопеть*) конская болезнь с сильными признаками насморка, которая весьма изнуряет лошадь до смерти. Сапатая лошадь, *осапателя*”⁶¹.

Каз. *танка* имеет значение ‘*истечение из носа*’, ‘*слизь, истекающая из носа*’. В казахском языке в основу названия лег признак выделений слизи из носа при течении болезни. В разговорном просторечии бытует слово *танка* как *сопляк*⁶².

Лат. *Adenitis equorum*: рус. *мыт*. болезнь лошадей. Лат. *equa* букв. *лошадь*, греч. *aden* букв. *железа*. Смысл, вкладываемый в латинское название, – ‘*воспаление железы лошади*’. Русское *мыт* произошло от *мытиться*, как бы *очищаться*. Одним из признаков болезни является обильное слизетечение из носа. Этот симптом болезни в сознании народа как бы очищает животное от нечисти, микробов. М. Фасмер отмечает мотивированность названия этой болезни народно-латинским *mutō, mutare* – ‘*менять*’. Конечно, навряд ли современный носитель русского языка свяжет этот смысл со значением ‘*пошлина за проезд в заставу через мост*’. *Мытить* значило в древнерусском *облагать или очищать пошлиной*.

Каз. *sakaу* обозначает *косноязычный, картавый*. Одним из признаков болезни является сильный отек горла, что не позволяет животному издавать обычные звуки. Животное как бы “*косноязычит*”.

Рус. *мешотчатый расплод*. Болезнь пчел, вызывающая гибель взрослых личинок, тело которых приобретает форму мешка с жидкостью. Взрослые пчелы сохраняют вирус в организме и распространяют его при кормлении

⁵⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 8-е. – М., 1981-1982. – Т. 1-4.

⁶⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / Под ред. и с предисловием Б.А. Ларина. Изд. 2-е, стереотип. – М.: Просвещение, 1986-1987. – Т. 1-4.

⁶¹ Даль В.И. Там же

⁶² Русско-казахский словарь / Под ред. Г.Г. Сауранбаева. – М.: Гос. издат., 1954. – 935 с.

личинки инфицированным медом, пергой. Таким образом, заражаются личинки и погибают. Личинки – *плод будущих пчел*. Расплод – *размножение*.

V «Сходство с другими объектами»

Данная мотивема объединяет небольшую группу зоонозов с названиями метафорического характера в их русско-казахских соответствиях.

Лат. *Tetanus*: рус. *столбняк*. Болезнь была известна уже 2-3 тыс.л. до н.э. Гиппократ (IV в. до н.э.) описал столбняк и обратил внимание на характерный клинический признак – отвердение мышц. Мышцы шеи, спины, живота становятся твердыми. В.Даль так описывает столбняк: “*род корчи, где часть мышц сильно напряжена, и человек лежит неподвижно; бревно, брус*”. С.И.Ожегов столб описывает как “*бревно, толстый брус, укрепленный стоймя*”⁶³. Сходство отвердевших мышц с бревном при заболевании и легло в основу названия болезни. В русском языке существует метафоричное выражение *на него столбняк нашел* для передачи состояния душевного потрясения.

Каз. *sirespe* обозначает *зас ртылость, напряженность, неподвижность*. Русское *на него столбняк нашел* передается аналогичным *siresip kaldi 'застыл как столб'*. Мотивы названия русского и казахского зооноза одинаковы и являются фактом обеспечения единого характера отражательной деятельности представителей различных языковых групп, факт единства мотивации объектов окружающего мира.

Лат. *Gangraena emphysematosa*: рус. *эмфизематозный карбункул*. Стержневое слово *карбункул*. Один из признаков болезни – припухлость в отдельных мышцах тела, нашедший отражение в греческом *emphysema/вздутие*.

Слово *карбункул* М.Фасмер⁶⁴ объясняет латинским *carbunculus 'тлеющий уголек'* и приобретшим в русском языке устаревшее ныне название драгоценного камня – красного граната. Упоминание об этой “твердой болячке” (так названы разновидности “болячек” в древних травниках) находит место в источнике, датированного XV-XVII вв.: “*болячки, которые зовут карбункулюса*”⁶⁵. В.Даль называет карбункул как “*опасный многоголовый вередь, болячка, вередь – чирей, нарыв*”⁶⁶. Как видно, название зооноза является заимствованием из латинского языка, вошедшим в фонд общеупотребительного национального языка и ставшим народным научным термином. Это

⁶³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Совместно с Н. Ю. Шведовой. 22-е издание. 1992

⁶⁴ Фасмер М. Там же

⁶⁵ Фасмер М. Там же

⁶⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 8-е. – М., 1981-1982. – Т. 1-4.

подтверждает мнение, что терминологическая номинация и формирование системы терминов оказывается явлением вторичным. Таким образом, название зооноза ассоциируется с камнем. Ср. синоним карбункула устар. *камчук*, лат. *антракс* 'уголь'.

Каз. kor *schican* : *могильный фурункул*, *карбункул*, kor – 'могила', *schican* – 'фурункул'. Казахское название отражает дополнительно степень опасности этого заболевания, тем более, что не были известны методы лечения, пораженные болезнью животные неизменно гибли.

Лат. *Pestis*: рус. *чума*. В переводе с латинского дословно 'мор', 'зараза', переносное 'погибель, несчастье'. В греко-латинских источниках отмечается массовая гибель животных от неизвестной болезни в период Пелопонесской войны (413-404 гг. до н.э.). "Этого рода болезнь и дыханье горячее смерти в кладбище некогда всё обратили Кекроповы земли. Лег этот мор, наконец, на все Пандеоново племя" (Лукреций "О природе вещей" 98-95 гг. до н.э.)⁶⁷. Русское *чума* образовано от древнерусского шума 'шишка'. Болезнь сопровождается образованием язв и чумных "бутонов" – темно-багровых бугорков. В народе называют болезнь *гнилой горячкой*. В переносном значении употребляется глагол *чумить* 'одурять'.

Каз. *oba*. В СЭСТЯ⁶⁸ *oba* отмечается в одном из значений как *бугор*, *холм*, *курган*, *куча*. ВФ слова нацеливает признаки зооноза на сравнение с возвышением, бугром: отсюда *oba* 'чума'. В народе известны названия *чумы* как *malik*, табуистические *kiz* 'дева', *ketpir* 'старуха'.

Лат. *Variola*: каз. *kul* 'оспа', *kul (gul)* 'цветок'. Болезнь характеризуется сыпью на коже и слизистых оболочках. У коров на вымени и коже появляются розеолы. Называющий болезнь ассоциировал эти признаки с цветением, появлением оспин "цветов" на различных участках кожи. Человеческая оспа носит название *scheschek*, букв. 'цвети'. Народное название оспы *karasan* произошло от Хорасан, названия области в Средней Азии в средневековье (территория Хивы, Бухары), откуда распространилась противооспенная прививка у людей.

V1 «Цвет»

Названия зоонозов этой группы немногочисленны. Мотивема включает в основу названия части описания болезни.

Лат. *Leucosis*: рус. и каз. *лейкоз*. Название в обоих языках представлено межнациональным интернационализмом. Употребление интернационального *лейкоз* как научного термина в русском и казахском языках вместо

⁶⁷ Фукидид. История. – М., 1993. – Кн.2. – Гл. 47. – С. 50-54

⁶⁸ Севортян Э. Там же

исконно русского белоокровие и казахского *kandagy ak tuirschik kobeyi* объясняется краткостью, высокой точностью интертерминируемого понятия и большой семантической устойчивостью. Болезнь характеризуется увеличением белых телец в крови – лейкоцитов < греч. *leukos белый + kytos клетка*. Отсюда название лейкоз '*белоокровие*'. В разное время эту болезнь называли *белоокровием, лейкемией, раком крови, гемоблатозом* < греч. *haima кровь + греч. blastos росток*.

Лат. *Isterus*: рус. желтуха. Болезнь печени, сопровождающаяся пожелтением цвета кожи.

Каз. *sargaju* 'желтеть'.

VII «Внезапность гибели»

Норвежское *Bradsot*: рус. браздот. Норвежское *bradsot* < *brad* внезапный, мгновенный + *sott* болезнь. Острая инфекционная болезнь овец, протекающая молниеносно и остро, отмечается внезапной гибелью животных.

Каз. *aktoralan*. *Ak* - инфекционная болезнь коров, овец, коз; животные, больные *ak* имеют молоко на цвет как очень разбавленное, а *topalan* имеет значение 'внезапный'. *Top* - группа, *lan* - мор, массовая гибель от заразной болезни. Аланы (этимол) – племя, представители которого служили у Чингисхана телохранителями, карателями его врагов. Здесь условно, болезнь уничтожает животных массами, как аланы людей.

Лат. *Anthrax*: каз. *топалаң* 'сибирская язва'. В отличие от мотива *язва*, положенного в основу русского названия, казахское название передает скоротечность болезни и массовость гибели животных. В народе бытует несколько названий болезни, связанных с видом животных: *karatalak* 'черная селезенка' у коров, *zhamandat* 'плохое пятно' у лошадей, *karabez* 'черные железы' у верблюдов, *uschpa* 'улететь' у овец. Народные названия мотивированы двойным признаком – цветом и пораженными органами.

VIII «Живое начало»

Многие болезни вызваны живыми организмами, паразитирующими на теле животных и вызывающих снижение мясо-молочной продукции. При этом бракуется самая ценная часть кожи – хребтовина.

Лат. *Ascaridis*: рус и каз. *аскаридоз*. Болезнь вызвана аскаридами < греч. *Ascaride* семейство круглых червей (глистов). Название болезни произошло от названия вида червей. Казахское народное название *zhilan kurt* 'змееподобные черви'. Русское народное разговорное – глисты.

IX «Географический фактор»

Географические факторы обуславливают географическую приуроченность некоторых инфекционных болезней и имеют значение в акте мотивации этих зоонозов.

Лат. Morbus newcastle: рус. *Ньюкаслская болезнь* — острая вирусная болезнь птиц. Английский исследователь Доил в 1927 г. обнаружил болезнь вблизи г. Ньюкасла и дал соответствующее название болезни. Каз. Ньюкасл аури (*калька*).

Лат. Morbus aleutica lutreolarum: рус. *Алеутская болезнь норок*. Болезнь впервые наблюдали у алеутских норок в США. Отсюда и название.

Каз. *kuzennin Алеут аури. kuzen 'норка'*.

Лат. Tularaemia: рус и каз. *туляремия*. Впервые болезнь была обнаружена в 1912 г. в округе Тулере в Калифорнии (США), что дало основание таким образом назвать обнаруженный зооноз.

Рус. *Американский гнилец пчел*. Каз. *bal arasinin amerikalik schirit аури (калька)*.

X *Мотив: Внешний признак*

Лат. Anthrax: рус. *сибирская язва*. Болезнь была известна задолго до нашей эры. Но первое научное описание этой болезни дали врачи А.Эмке (1758) и Н.Ножевщиков (1762), работавшие в Сибири. Отсюда определение *сибирская язва*. Течение болезни характеризуется появлением в различных частях тела животного припухлостей, в центре которых появляется изъязвление. Язва, диал. — *повреждение, изъян*. Народное название болезни *антонов огонь*. Древнеарабские врачи называли ее “персидским огнем”, древнеримские ученые “священным огнем”. Присутствие общего слова *огонь* объясняется губительным характером болезни; смерть от нее наступает через несколько часов. Также иногда называют “болезнью сортировщиков шерсти”.

XI *«Имя первооткрывателя»*

Лат. Morbus Marek: рус. *болезнь Марека*. Впервые болезнь описал венгерский исследователь Марека (1907). В 1960 г. было рекомендовано болезнь назвать в честь первооткрывателя *болезнью Марека*. Болезнь птицы. Каз. *Марека аури (калька)*.

Лат. Morbus Auesky: рус. *болезнь Ауески*. Зооноз описан венгерским исследователем А.Ауески в 1902 г., в честь которого и получил название. Каз. *Ауески аури (калька)*.

Таким образом, двуязычный мотивологический словарь терминов-зоонозов русского и казахского языков, метаязыком которых в ветеринарной медицинской терминологии являются их латино-греческие названия, позволяет выявить черты общности и различия в мотивации терминов-зоонозов.

Мотивологические двуязычные словари показывают возможность развития терминологических значений из слов национального языка при его отграничении от общего употребления, т.е. посредством терминологического

ограничения общего значения единицы плана выражения. Мотивированность термина является общей чертой, языковой универсалией. При составлении словаря выбор мотивационной модели зависит от интралингвистических и экстралингвистических причин. Из внеязыкового содержания мотивом выделяется мотив (цвет, поведение, анатомический орган и др.) и его последующее языковое выражение есть одновременно выбор слова – мотиватора: например, каз. *bezgek* 'лихорадка' – мотиватор глагол тюрк, *в [az] дрожать*. Рус. желтуха – мотиватор прилаг. *желтый*.

Выводы

Рассмотрев мотивемы с точки зрения их научной обусловленности национальной специфичностью, мы обнаружили в них совпадения и различия, которые выражаются в их количественном распределении. Определенные количественные и качественные различия, возникшие при мотивации одних и тех же объектов, (как, например, зоонозов – в русском и казахском языках), обусловлены экстралингвистическими и социокультурными особенностями.

На наш взгляд, творческий подход к составлению отраслевых словарей в новом направлении является началом серьезного научного проекта, исключительного для развития междисциплинарных исследований, актуальных по своему звучанию для современной общемировой науки.

Глава 5. Глобальный английский в современном мире: возвращение к прошлому?

Глобализация как основной феномен современности, повлиявший на все сферы жизни любого общества, является, как известно, закономерным результатом процесса изменения структуры мирового хозяйства. Важное место в этом процессе занимает не только экономическая и политическая интеграция, но и гуманитарная – в сфере религии, образования, культуры и, естественно, языка. Информационной революции, сущностной основе глобализации, принадлежит важное место, что имеет в современной, например, российской жизни, множество проявлений: в СМИ, деловой культуре, общественном питании, туризме, образовании и т.д.

Осмыслению сущности и истории глобализации посвящен целый ряд исследований: как сторонников глобализации (глобалистов), так и ее противников (антиглобалистов). В настоящей главе в социолингвистическом ракурсе будет рассмотрен ряд актуальных проблем «языковой глобализации», т.е. процессов и результатов превращения английского языка в язык международного общения, который часто называют Global English – глобальный английский. Вступая в контакт с различными национальными языками, он тоже претерпевает определенные изменения на различных уровнях своей структуры (грамматическом, лексическом, фонетическом и т.д.). Однако и в языках, находящихся с английским в тесном контакте, появляются новые черты. Сложная и богатая история английского языка показывает, что подобные проявления языковых контактов наблюдались и ранее; это привело в результате к созданию одного из языков германской группы (на основе исконных диалектов нескольких германских племен), на который сильно повлияли языки завоевателей: латинский, скандинавский, французский и т.д. Наша цель – показать определенную общность процессов прошлого и настоящего развития английского языка, исходя из ключевых понятий социолингвистики «пиджинизация», «интерференция», «креолизация» и др., опираясь на современные лингвистические источники и словарные материалы, в которых через неологизмы регистрируется ряд новых понятий, отражающих динамические изменения в английском языке, выступающем в качестве международного средства коммуникации.

1. Краткая история глобализации и роль языка

Стремление к экономической и политической интеграции было присуще государствам еще во времена Античности. В Средневековье добровольным и взаимовыгодным торговым и политическим союзом между различными странами стал Ганзейский союз (1267) – равноправное партнерство ряда стран и городов северо-западной Европы, включая на Руси Великий Новгород и Псков. В момент своего создания этот союз включал 60 городов-представителей, а в период своего расцвета (конец XIV-начало XV в.) – уже 130⁶⁹. География создания Союза (вестфальские и саксонские территории современной Германии) способствовала распространению через международную торговлю и управление ей (посредством договоров, собраний и съездов купцов, обеспечения безопасной торговли и т.д.) немецкого языка, а также расширению его контактов с английским языком (в Лондоне продолжительное время существовал до 1598 г. *der Stahlhoff* — укрепленный ганзейский двор), а также с русским, итальянским и другими. Это обусловило и процесс заимствования определенных лексических единиц для обозначения мер веса, длины, названия некоторых товаров, например, русских мехов.

Упадок Ганзейского союза связан как с его внутренними противоречиями, так и внешними проблемами: войнами, эпидемиями, а главное – с торговой конкуренцией. Ганзейские купцы стали лишаться привилегий, и по решению некоторых правителей торговые представительства стали закрываться. На окончательную утрату влияния (к середине XV века) повлияло развитие мореплавания в некоторых экономически развитых странах Европы и открытие новых морских путей.

Некоторые исследователи датируют истоки глобализации в Европе XVI-XVII веками. Этому способствовали высокий экономический рост, успехи мореплавания в освоении новых земель и их следствие – великие географические открытия. В результате этого началось активное проникновение торговцев из Португалии, Испании, Голландии, Англии и др. стран за пределы Европы, создание зарубежных (интернациональных) торговых компаний, а вслед за этим – колонизация некоторых стран и целых континентов. Такой первой межнациональной компанией стала Ост-Индская компания, имевшая свои торговые представительства во многих азиатских

⁶⁹ Силкин Б. Ганза: древний «общий рынок» Европы /Б. Силкин // Знание-сила. — М.: Международная ассоциация «Знание», 1998. — № 1 (847). — С. 102—111.

странах. Индустриализация XIX века способствовала значительному увеличению торгового оборота между европейскими странами и их колониями.

Важная роль в осуществлении политических, экономических и культурных контактов в XVI - XVII веках принадлежала двуязычным словарям, которые стали составляться по модели двуязычных национально-латинских словарей. Как указывает Л.П.Ступин, одним из первых был, вероятно, англо-французский словарь Жана Палсгрейва⁷⁰, как приложение к учебнику французского языка, изданному в 1530 году, а затем последовали целые серии переводных словарей. Великие географические открытия и начавшаяся за ними колонизация, вновь возникавшие союзы и коалиции против стран-соперниц, и обусловили изучение в Англии других западноевропейских языков и создание словарей. Как подчеркивает Л.П.Ступин, «основная цель английской лексикографии вплоть до начала XVII в. была помочь читателю овладеть иностранным языком»⁷¹.

Заметим, что языковая ситуация в мире постоянно менялась, и на международную арену в разное время выходили различные интернациональные языки. Последние, как особая категория, возникли с зарождением первых государств, и на смену первым международным языкам, используемым в дипломатии и для установления межгосударственных связей, шумерскому, аккадскому, позднее – арамейскому, потом пришли греческий и латинский.

Хорошо известна роль латинского языка как языка международного общения, который дал начало живым (современным) романским языкам. И после падения Западной Римской Империи латынь, как указывает С.Н.Кузнецов, служила и в качестве общего письменного языка ряда европейских стран, и применялась в письменной коммуникации внутри отдельных стран⁷². Например, в Германии латынь господствовала в деловой переписке до XVIII и была языком государственных актов, до Реформации, вплоть до XVIII века, она господствовала в религиозной практике этой страны⁷³. Латинский язык, как в настоящее время английский, перестал быть принадлежностью одного народа, для которого он являлся родным, а стал

⁷⁰ Ступин Л.П. Проблема нормативности в истории английской лексикографии (XV-XX вв.). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979. – 164 с., с. 58.

⁷¹ Там же, с.58.

⁷² Кузнецов С.Н. Теоретические основы интерлингвистики. Монография. – М.: Изд-во УДН, 1987. – 207с., с. 34.

⁷³ Гухман М.М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку: в 2 ч. М.: АН СССР, 1955. Ч. I. - 163 с.

принадлежность определенных социальных слоев, чья трудовая деятельность была связана с использованием письменности. Именно поэтому латынь становится языком образования, науки, религии, культуры, литературы, права.

Согласно распространенным в течение долгого времени ненаучным взглядам на английский язык, он считался «испорченным» вариантом древнееврейского, греческого или латинского языка, а, следовательно, рассматривался как язык недолговечный, который должен исчезнуть, уступив место языкам более «совершенным» - латинскому или греческому, или должен значительно видоизмениться, приняв за основу каноны этих языков. Подобные мысли высказывал, например, современник Дж.Чосера поэт Дж.Гауэр (John Gower; 1330—1408), который писал свои произведения для потомков на трех языках – латинском, французском и английском, поскольку не был уверен, какой язык окончательно утвердится в Англии. Примечательно, что споры XIV века, когда английский еще не завоевал прочной позиции в британской общественной жизни, очень сходны с дискуссиями XXI века о будущем английского в глобальном мире лет через триста-четыре-реста⁷⁴. В качестве современных «соперников» английского языка рассматривают китайский и испанский.

С началом крестовых походов статус международного языка начинает постепенно приобретать французский язык, который получает распространение в Афинах, на Кипре, в Сирии, а позднее - в Германии, Фландрии, Нидерландах и части Италии, что обусловлено приходом к власти там династий французских королей. Особое влияние французский оказал на английский язык после захвата Англии нормандцами. В Англии, как известно, сложилась своеобразная ситуация двуязычия с четким разделением функций между французским языком и латинским - международным языком науки в средневековой Европе, на фоне постепенного становления английского литературного языка в ранненовоанглийский период. К концу столетней войны (1337-1453) французский язык в Англии исчез как живой язык коммуникации, но еще сохранял свои позиции вплоть до XVII века в судебной практике. В эпоху Возрождения, которая в Англии приходится на XV-XVII вв., определенные позиции в науке сохраняла латынь, но с ней уже мог вступить в борьбу английский язык, поскольку латинский, как указывает В.Н.Ярцева,

⁷⁴ Иванова Н.К. Английский язык и его прошлое, настоящее и будущее: гипотезы, теории, прогнозы // Теория и практика преподавания иностранного языка в высшей школе. Вып. 14. Ивановский государственный университет, 2018. - с. 86-95.

«был чужим языком в чужой стране. Времена двуязычия, когда свой язык и чужой язык разграничивали сферу своего использования в Англии, безвозвратно прошли⁷⁵». Период стабилизации английской нации потребовал и утверждения национального литературного языка. Напомним, что к XVI веку относится возвышение лондонского диалекта как будущей основы национального языка, который сложился к концу этого же века.

Период распространения Английского языка за пределы Англии (в Шотландии, Ирландии, США, Канаде и др. странах) был достаточно длительным, и процесс его утверждения там (при наличии уже имевшихся национальных языков и диалектов – шотландского гаэльского, ирландского и др.) непосредственно связан с успешной колониальной политикой Англии, активной деятельностью миссионеров. Колонизация обусловила постепенное превращение языка небольшой островной нации в язык международного общения, а позднее - и его глобальное господство в XXI веке.

Распространению английского языка способствовала и массовая миграция, с конца XVI века, на вновь завоеванные или открытые территории: в Северную Америку, Индию, Канаду и Австралию (XVIII в.), Новую Зеландию (с середины XIX в.). Вместе с английскими колонизаторами английский язык пришел на Карибские Острова (Ямайка, Барбадос, Тринидад, часть Ганы), в Южную и Восточную Африку (Кения, Уганда, Танзания, Малави, Замбия и Зимбабве). С одной стороны, это многократно увеличило число говорящих на английском языке, а с другой, обусловило его своеобразие на этих территориях в результате его интерференции с местными языками и диалектами. Различается и статус английского языка на этих территориях: где-то он является родным для его населения, где-то вторым – наряду с национальным, т.е. используется как *lingua franca* - общий язык, официальный язык межэтнического и межплеменного общения. Статусное распределение английского языка в различных странах мира подробно описано в работах Б.Качру⁷⁶, Р.Стревенса⁷⁷ и др.

Подчеркнем, что кроме внешних факторов распространения английского языка важную роль играли и внутренние: английская промышленная революция, интенсивное развитие техники, появление новых технологий,

⁷⁵ Ярцева В.В. Развитие национального литературного английского языка. М.: Наука, 1969. - 286 с., с. 114.

⁷⁶ Kachru, B., Smith, L. E. Editorial. - World Englishes, 1985. - № 4, - pp. 209-212.

⁷⁷ Strevens, P. English as an International Language. // B. Kachru (ed.), The Other Tongue: English Across Cultures (2nd ed.). - Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1992. - P. 27-47.

что и обеспечило, с одной стороны, высокую степень развития британской экономики и науки, а с другой, распространение ее достижений на английском языке по всему миру. Последнее обстоятельство привело к конкуренции английского языка и немецкого. Немецкий язык в течение XIX века и первой половины XX века (до Второй мировой войны) был основным международным языком науки. Этот статус он приобрел в результате великих открытий, сделанных немецкими учеными в различных отраслях науки, публикаций результатов их исследований на немецком языке в международных научных изданиях, а также благодаря приглашению ученых из Германии преподавать во многих университетах Европы.

Победе английского языка над немецким, роль которого была поддержана и мощным экономическим развитием Германии в период Третьего рейха, способствовало превращение США в политически влиятельную и экономически передовую сверхдержаву, обладающую мощным научным потенциалом. Именно это во многом и определило ту особую роль английского языка как средства международного общения, которую он имеет сегодня. Согласно имеющимся статистическим данным, английский язык является основным или официальным в более чем в 60 из 185 национальных государств, признанных Соединёнными Штатами⁷⁸. Он функционирует как средство внутринационального общения в таких странах, как Бангладеш, Филиппины, Замбия и как средство международного общения во многих странах мира. Последние, по степени распространенности в них английского языка, подразделяются, как известно по теории Б. Качру на три Круга: внутренний (Великобритания, США, Канада, Австралия и др.), внешний (Индия, Пакистан, Малайзия и др.) и расширяющийся (Германия, Франция, Италия, Россия и др.)⁷⁹. Еще одна характерная черта – необязательное следование англо-американским стандартам языкового употребления⁸⁰.

Таким образом, в эпоху глобализации сложилась очень своеобразная ситуация: число носителей английского как второго языка значительно превышает число тех, для кого он является родным. Это обстоятельство не могло не наложить отпечаток на сам английский язык как многоуровневую

⁷⁸ Nettle, D., Romaine, S. *Vanishing Voices*. - Oxford: Oxford University Press. 2000. – 256 p., p. 29.

⁷⁹ Kachru, B. B. *The alchemy of English: the spread, functions, and models of non-native Englishes*. - Oxford: Pergamon Press, 1986. – 200 p.

⁸⁰ Carter, R. *Orders of reality: CONCODE, communication, and culture*. / B. Seidlhofer (ed.) *Controversies in Applied Linguistics*. - Oxford: Oxford University Press, 2003. – P. 90-104, p. 97.

лингвистическую систему, используемую в качестве средства коммуникации носителями разных языков и культур.

2. Краткая история сложения английского языка и современные процессы языкового развития

Несмотря на многолетнее изучение истории английского языка и наличие некоторых письменных источников на различных диалектах («Англосаксонская хроника», IX век; переводы короля Альфреда; сочинения аббата Эльфрика, X в.; поэтические произведения «Беовульф», X в.; «Елена», «Юлиана» и др.), среди лингвистов до сих пор отсутствует единое мнение относительно сложного процесса формирования национального языка, как и единый подход к его периодизации. На наш взгляд, достаточно даже перечислить поселенцев Британских островов с ранних времен, чтобы понять сложность процесса взаимодействия на небольшой островной территории столь различных языков и культур: иберийцы, кельты, бритты, гаэлы, римляне, германские племена англов, саксов, фризов, ютов, скандинавские викинги (норманны), нормандцы – носители французского языка и др. Вместе с завоеванием земель и образованием небольших королевств в древнеанглийский период развивались и переплетались племенные диалекты в определенных территориальных рамках, а после нормандского завоевания (XI–XIV вв.) на долгое время сложилась необычная ситуация сосуществования трех языков. Равное положение занимали в среднеанглийский период древнеанглийские диалекты, среди знати был распространен северный диалект французского языка, превратившийся в течение последующих столетий в англо-нормандский диалект, а языком церкви и науки была латынь⁸¹. Вероятно, большая часть образованного населения страны, ее знати, в какой-то период стала трилингвами.

С точки зрения нашего исследования, наибольший интерес представляет вопрос пиджинизации английского языка. Согласно словарному определению, пиджины – (от искажённого англ. business — дело) «структурно-функциональный тип языков, не имеющих коллектива исконных носителей и развившихся путём существенного упрощения структуры языка-источника. Они обычно используются как средство межэтнического общения в среде

⁸¹ Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка. М.: Высшая школа, 1976. С. 7-18.

смешанного населения»⁸². Пиджины, как подчеркивают социолингвисты, это не результат естественного исторического развития языка, а результат преобразования языка в условиях регулярных и массовых этноязыковых контактов. Основная черта пиджинизации - упрощение: сложных грамматических моделей, развитие анализма, модификация некоторых категорий звуков, лексические заимствования.

Для английского языка таким регулярным контактом стало его взаимодействие сначала с языком завоевателей - римлян, а затем - скандинавов и французов. Как отмечают Ч.Бейли и К.Марольд, сторонники теории пиджинизации и креолизации английского языка, в среднеанглийский период сложилась абсолютно новая система языка, непохожая на систему древнеанглийского языка (англосаксонского), что явилось результатом смешения двух или более языков⁸³.

Дальнейшая фаза развития языка в условиях контактов – креолизация, под которой обычно понимают усложнение, изменение функций и структуры пиджина. Несмотря на то, что результат этого процесса на примере английского языка называют гибридом, креолом, креолоидом и т.д., исследователи сходятся во мнении, что в развитии английского языка имел место процесс, сходный с креолизацией. Примечательно, что на роль языков, под влиянием которых значительно изменился английский, одни ученые выдвигают французский язык, другие – латинский, а третьи – скандинавские языки, а некоторые, подобно О.Есперсену, выделяют последовательно все три фактора влияния – скандинавское, латинское, французское⁸⁴.

В результате возвышения Лондонского диалекта (к началу XVI века) в качестве основы национального языка, английский язык, постепенно победив французский и латинский в борьбе за сферы влияния, сложился к концу XVI в. как национальный язык. Началось установление его нормы через печатные труды (религиозную литературу, грамматики, словари), преподавание в школах и университетах. Окончательно утвердившись к концу XVIII - началу XIX века, норма английского национально-литературного языка, в

⁸² <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/pidzhini/?q=486&n=2226> (дата обращения 10.11.2018)

⁸³ Bailey Ch., Maroldt K. The French Lineage of English. Languages en Contact – Pidgiins- Creoles. Tübingen: Narr, 1977. P. 21-53., p. 21.

⁸⁴ См. обзор различных точек зрения в: Соколова А.Ю. К вопросу о пиджинизации английского языка // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. Калуга: КГУ, 2015. С. 50-54.

силу указанных выше (п.1) социолингвистических причин, вскоре стала приобретать черты вариативности, различаться в вариантах английского языка за пределами Британии. Самый существенный «удар» по ее когда-то строгим канонам был нанесен сначала колонизацией, затем – глобализацией. Английский превратился из языка-акцептора, которым он был в прежние века, в язык-донор. Каков же современный английский язык? Как на него повлияли контакты с другими языками и культурами мира? Рассмотрим это далее.

2.1. Английский язык как средство международного общения в глобальном мире: основные лингвистические характеристики и новые номинации

Изменения в мире после Второй мировой войны, кардинальные преобразования в политической, экономической, социально-культурной сферах в XX веке обусловили, как указывалось выше, появление международного средства коммуникации, которым стал английский язык, ранее прочно утвердившийся во многих странах в результате колонизации.

Превращение английского в средство интернационального общения вновь привлекло к нему внимание ученых: лингвистов, социолингвистов, специалистов по языковым контактам, этнографов, антропологов, социологов и т.д. Возникла острая необходимость в поиске исчерпывающего термина для обозначения этого качества английского языка, что привело к созданию целого ряда новых обозначений, которые с разной степенью точности указывают на новые качества и лингвистические особенности языка, функционирующего в глобальном масштабе в условиях контакта с другими языками и культурами, естественно, с учетом данных, полученных ранее при изучении процесса смешения языков, билингвизма, интерференции, креолизации и т.д. Так, стали использоваться термины International Language (IE), English as an International Language (EIL), English as a Lingua Franca (ELF), т.е. язык-посредник, English as a Global Language (EGL), English as a World Language (EWL) и др. Варианты английского языка за пределами стран Внутреннего круга Б.Качру, обладающие характерными лингвистическими особенностями, стали называть Postcolonial Englishes, New Englishes (NE), World Englishes (WE). Появилась необходимость обозначить и язык самих носителей английского, например, тех, для кого он является родным – English as a Native English, English as a Mother Tongue. Терминологические споры

продолжаются, идет активный поиск так называемого «зонтичного термина»⁸⁵, однако, многообразие функционирующих в мире вариантов английского языка, существенные изменения в последнем, особенно, в странах Внешнего круга и Расширяющегося круга, обусловили их комплексное изучение и получение ряда интересных результатов.

Прежде всего, необходимо назвать создание Машинного фонда (Corpus) типичных характеристик английской речи, установленных при коммуникации большого количества носителей различных языков и разного возраста с неродным английским, в результате проекта VOICE – Vienna-Oxford International Corpus of English (более 1 миллиона образцов устной речи в различных ситуациях общения 1250 европейцев) в 2001- 2007 гг.⁸⁶ Типичные отклонения от норм английского языка в речи иностранцев, установленные еще в начале XXI и затем подтвержденные в последующем, позволили выявить, что они охватывают все языковые уровни: *фонетический* и *фонологический* (упрощение артикуляции некоторых звуков и сокращение системы фонем); *грамматический* (например, неупотребление -s с глаголами 3 лица ед.числа настоящего времени, взаимозамена местоимений which/who, отсутствие определенного и неопределенного артиклей там, где они необходимы, замена инфинитивных конструкций придаточными предложениями, специфическое использование модальных глаголов и т.д.); *лексический* (тавтология, малапропизмы, неточная идиоматика и т.д.)⁸⁷. Сходные результаты, указывающие на наличие черт пиджинизации и креолизации, были получены и в результате других лингвистических проектов, осуществленных в последнее время в Европе – многонациональном и географически обширном регионе, с сильным проявлением глобализации во всех сферах жизни – экономике (Европейский Союз и евро как единая валюта), политике (Европейский парламент), обороне (НАТО), образовании, культуре. Изучение специфики функционирования английского языка, обусловленной культурно-языковым своеобразием определенной европейской территории, осуществляется при

⁸⁵ См. подробнее: Меркулова Н.Е. Мировые английские»: в поиске адекватной терминологии // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». N 6 (Т. 4). Иваново: ИГХТУ, 2015. С. 329-333.

⁸⁶ <https://www.univie.ac.at/voice/> дата обращения 10.11.2018)

⁸⁷ Seidlhofer, B. Research perspectives on teaching English as a lingua franca. Annual Review of Applied Linguistics 24, 2004, P. 209-239.; Seidlhofer, B. The VOICE of ELF – English as a Lingua Franca. What's New? Autumn/Winter, 2004, P. 8-9.; Seidlhofer, B. English as a lingua franca in the expanding circle: What it isn't. // R.Rubdy; M.Saraceni (eds.). English in the World: global rules, global roles. London: Continuum, 2006, P. 40-50.; Seidlhofer, B. Corpora and English as a lingua franca. //K. Hyland; M. H. Chau; M. Handford (eds). Corpus Applications in Applied Linguistics, 2012, P. 135-149.

изучении таких языковых реалий, как Euro-English, Alpine-Adriatic English, pan-Swiss English (в трехязычной (плюрилингвальной) Швейцарии, не входящей в ЕС) и др. Примечательно, что подобное изучение проводится и на материале особенностей применения английского языка в речи представителей молодого поколения, а это важно для прогнозирования дальнейших тенденций в изменении EIL. Примечательно, что внимание было обращено и на особенности письменной коммуникации в IE, например, среди ученых (Academic Writing), деловых людей, представителей международных фирм и корпораций, редакторов и переводчиков. В стратегиях и тактиках, предложенных этим и другим категориям пишущих, для которых английский не является родным (E₂), Э.Вайсс, автор пособия *The Elements of International English Style* (2005)⁸⁸, явно прослеживается идея упрощения - в выборе грамматических конструкций и лексических единиц, сформулированная еще Дж.Оруэллом⁸⁹. Как признает автор этого пособия, тактика упрощения может сделать документ трудным для восприятия носителя английского языка (E₁) и менее интересным для него ("less readable and less interesting to sophisticated readers E₁"), но отвечающим стандартам Readability Index для американских правительственных документов, ориентирующихся на уровень образования читателей (средняя школа, бакалавриат или магистратура)⁹⁰. Выбор стратегии глобализации или локализации (localization) также важен для учета культурных реалий и возможностей последующего перевода с простого английского на национальный язык.

Примечательно, что английский язык «откликнулся» на параллельное развитие глобальных и локальных тенденций, происходящих в разных сферах мировой деловой, политической, экономической, культурной жизни: все проанализированные нами словари⁹¹ регистрируют неологизмы glocalization (the practice of conducting business according to both local and global considerations), glocalize, а некоторые словари включают и новообразование deglobalization [<https://public.oed.com/blog/january-2018-update->

⁸⁸ Weiss E.H. *The Elements of International English Style*. Armonk: ME Sharpe, Inc, 2005. — 157 p.

⁸⁹ Orwell J. *Politics and the English language* // *Horison*. Vol.13, Issue 76. April 1946, P.252-265.

⁹⁰ Weiss E.H. *The Elements of International English Style*. Armonk: ME Sharpe, Inc, 2005. — 157 p., p.6.

⁹¹ Cambridge Dictionary. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/>; Collins Dictionary. Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/>; Merriam-Webster Dictionary. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/>; Macmillan Dictionary. Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/>; Oxford Living Dictionary. Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/>; Unwords Dictionary. Режим доступа: <http://unwords.com/>; Urban Dictionary. Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/>; Word Spy. Режим доступа: <https://www.wordspy.com/>

new-words-notes/], т.е. процесс ослабления интеграции и взаимозависимости между отдельными странами, как правило, национальными государствами, осознающими свою самостоятельность и стремящимися к автономии, в том числе, языковой.

К упрощенным вариантам английского языка относятся и текстовые разновидности английского, характерные для онлайн-документов и сообщений - Weblish и Textlish (упрощенные орфография и пунктуация, высокая степень клишированности и т.д.). Weblish как международный сетевой идиолект часто покидает сферу виртуальной коммуникации и применяется в реальном общении, особенно, среди молодого поколения, а также в рекламе, СМИ и т.д.

Не менее интересной является и ситуация, складывающаяся с применением английского языка в Азии и Африке. Так, объединение Юго-Восточных стран Азии в экономический, политический и культурный региональный союз (1967 г.) под названием ASEAN, официальным и общим языком которого стал также английский, обусловило особый интерес к его функционированию в странах региона с населением около 500 млн. человек, которые являются коренными носителями таких различных языков, как индонезийский, малайский (Малайзия и Бруней – бывшие колонии Британии), тайский (Таиланд), тагальский (Филиппины), вьетнамский, лаосский, мьянманский (Мьянма, бывшая Бирма) и таких многоязычных и многонациональных государств, как Сингапур (с английским, китайским, малайским и тамильским языками в качестве официальных) и др. Публикации журнала *Asian Englishes* (ALC Press, Токуо) дают панорамное представление о процессах своеобразного взаимодействия национально-азиатских языков с английским. Последний, как и следовало ожидать, претерпевает под их воздействием определенные изменения на фонетическом, лексическом, грамматическом уровнях, что и обусловило появление и регистрацию в ряде словарей⁹² новых слов для отражения Globish (Global English) так называемых «новых английских» (New Englishes) Внешнего и Расширяющегося кругов: *Arabliish* (*Arabic+English*), *Banglish* (*Bengali+English*), *Chinglish* (*Chinese+English*), *Denglish* (*Denglish*) (*Deutsch+English*), *Farsinglish* (*Farsi+English*), *Finglish* (*Finnish+English*), *Hinglish* (*Hindi+English*), *Japlish* (*Japanese+English*), *Konglish* (*Korean+English*), *Manglish* (*Malay+English*), *Portuglish* (*Portuguese+English*), *Rusglish* (*Russian+English*), *Singlish* (*Singapore+English*), *Spanglish*

⁹² Там же.

(*Spanish+English*), *Swanglish (Swahili+English)*, *Tanglish (Tamil+English)*, *Urlish (Urdu+English)*

Не все лингвистические особенности этих языков с гибридными характеристиками одинаково полно исследованы⁹³, но имеющиеся данные позволяют говорить о наличии общих, системных отклонений от норм английского языка, которые проявляются на различных языковых уровнях и свидетельствуют о наличии феномена интерференции, упрощении грамматики, о большом количестве заимствованной лексики и своеобразном словообразовании.

В этом отношении представляют интерес, например, результаты исследования *Konglish* – «корейского английского» (Korean + English), т.е. английского языка с «корейским акцентом», явного «продукта» глобализации. Он представляет собой лексически креолизированное новообразование – смесь корейских и английских элементов для создания новых слов. *Konglish* стал результатом тесного политического и культурного взаимодействия с США, а также индустриализации Южной Кореи в XX веке.

Однако английский язык в Корею появился раньше – его принесли туда христианские миссионеры. Примечательно, что часто это взаимодействие осуществлялось через язык-посредник – японский (например, *apateu* (кор.) < *apāto* (яп.) < *apartment* (англ.)). Следы этого контакта языков до сих пор четко различимы в корейском языке: существует много заимствованных слов не только из японского, но и из других западноевропейских языков, пришедших через японский. Это связано с не простой историей отношений двух стран: общностью языков и культур в древности, многолетним экономическим и военным противостоянием, аннексией Японией корейских территорий в 1910 г (до 1945 г.), частичной ассимиляцией населения и т.д. Закономерно, что в корейском языке много заимствований и из китайского языка, т.к. не только послевоенная история Кореи была тесно связана с Китаем, но и ее древняя история. Так, *ханчао* – часть лексики корейского языка, не просто заимствованная из китайского, а составленная в Корею из заимствованных элементов китайского языка.

⁹³ См., например, подробное исследование З.Г.Прошиной на материале русско-английского взаимодействия языков: Прошина З.Г., Ривлина А.А. *Mock Russian English: шутливо-пародийное использование русского варианта английского языка в странах внутреннего круга* // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Изд-во Моск. ун-та (М.), № 3. С. 18-30; Proshina Z. *Legitimacy of Russian English* // *Procedia - social and behavioral sciences*. United States: Elsevier. Vol. 236. P. 201-206.

В настоящее время в Южной Корее очень популярен английский язык, и его знание рассматривается как необходимое условие сотрудничества Запада и Востока в условиях глобализации, как признак образованности корейца. Однако он труден для восприятия иностранцами, поскольку очень интерферирован на уровне произношения, грамматики, лексики. Так, на лексическом уровне в основе заимствований из английского языка лежит так называемый прямой перевод слов, а не понятий, причем, заимствованное слово часто изменяется на письме и в произношении до неузнаваемости (например, selpeu (셀프) < self; dika (디카) < digital camera, hatdogeu (핫도그) < hot + dog). Сотни подобных слов, неупотребляемых в английском языке, но составленных из них (с изменением части речи, значения, написания, произношения и т.д.) можно встретить в рекламе и маркетинге, на страницах СМИ, в речи корейцев, в названиях улиц и т.д. Например: service (free charge), make a promise (appointment), time-teacher (a part-time lecturer), free-talking (chit-chat), corn-dog (hot dog), I.Seoul.U, etc⁹⁴.

Таким образом, в корейском, в виде Konglish, проявляется тот же самый гибридный механизм языкового контакта с английским языком, что и с китайским. Заметим, что данная ситуация с экспансией английского языка вызывает озабоченность некоторых патриотически настроенных корейцев судьбой родного языка, который имеет очень развитую систему стилей, регулируемую возрастом и социальным положением говорящих и тех, о ком идет речь. Они усматривают в языковой глобализации признаки лингвистического империализма.

2.2. Некоторые английские неологизмы для передачи особенностей контакта и взаимовлияния языков в современном мире

Растущие масштабы языковых контактов в современном мире обусловили появление ряда новых номинаций для обозначения новых практик взаимодействия двух, трех или нескольких языков: translingualism, translanguaging и др, а также большое число новых слов, указывающих на национальные и языковые корни пользователей английским языком в мире. Эти слова имеют различную частоту употребления, их регистрируют не все

⁹⁴ General R. Koreans are Now Speaking a New Language Called 'Konglish' // Nextshark. 30.09.2016. Режим доступа: <https://nextshark.com/ran-park-konglish/>; Шевчук Н. М. Английский язык в Республике Корея // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. №4. С. 1287-1289.

словари, и они могут обладать разными коннотациями – отрицательными (например, Englisher, Anglo-pilferer (австралиец с англо-кельтскими корнями) или положительными (Britanee). Топоним Britain используется для обозначения людей, имеющих британо-европейские корни: Britalian, Britalian Maltese (тот, у кого есть мальтийские, итальянские и британские корни). Есть несколько неологизмов с лексемой Anglo: Anglo-Italian, Anglo-polian, Anglo-Irish, Anglogerian (британец с нигерийскими корнями), или American: American-African – американец с африканскими корнями; americanadianexican, Jamerican – американец, живущий на Ямайке. Ярким примером мировой полиэтнической семьи можно назвать неологизм Caublinasian (Caucasian+black+Indian+Asian). Для номинации граждан США в целом был создан неологизм Unitedstatian, USian.

Межнациональные брачные союзы и рождение ребенка со смешанными корнями также потребовало их новой номинации, в том числе, нарушая политическую корректность, с указанием на цвет кожи и расовую принадлежность: blasian, blaxican, blatino (чернокожий азиат, мексиканец, латиноамериканец, соответственно).

На наш взгляд, все эти новые номинации, казалось бы, ненужные в эпоху глобализации и массовой миграции населения всего мира, имеют целью имплицитно обозначить культурно-языковые различия, полиэтничность и акценты. Последние, например, представлены неологизмами blaccent (манера речи афро-американцев, часто имитируемая белыми певцами), schnelling (комический немецкий акцент в английской речи), Bubbonics (bubba – южноамериканский сленг – в сочетании с частью слова phonics), Southonics (особенности звучания на Юге США).

Широкое использование английского языка среди тех, для кого он не является родным, демократизация норм среди его исконных носителей, вызванная рядом социокультурных, экономических и политических реалий, о которых мы писали выше, обусловили беспрецедентное применение сленгизмов. Это определило появление таких неологизмов, как slangish, slanglish (речь на английском, насыщенная сленгизмами), slanguage, slantionary, slanguist.

Наиболее иллюстративной, на наш взгляд, является языковая ситуация в таком многонациональном и многодиалектном мегаполисе, как Лондон. Наибольшую популярность имеет Multicultural London English (MLE) – городской диалект английского языка, образовавшийся под влиянием акцентов других языков. Его возникновение – прямое следствие взаимодействия на уровне языков и культур, опосредованное международным языком

общения – английским. Согласно определениям MLE, приведенным в словарях⁹⁵, эта разновидность речи на английском языке включает элементы карибских, южно-азиатских языков, африканского варианта американского языка и традиционную лондонскую речь, т.е. он является своего рода гибридным, креолизированным диалектом. Основными носителями MLE называют представителей молодого поколения, музыкальных и спортивных фанатов, распространяющих его через молодежную культуру по всей Великобритании. Очевидны и черты упрощения, характерные для пиджинов: форма глагола *was* в прошедшем времени для всех лиц в единственном и во множественном числе, использование *innit* вместо *isn't* в разделительном вопросе, в произношении – преобладание закрытых гласных, быстрый темп, особый ритм.

Контакт национальных языков и диалектов с английским языком в различных сферах современной жизни актуализировал изучение таких лингвистических реалий, как билингвизм, трилингвизм, плюрилингвизм, а, следовательно, появилась необходимость обозначить эту реально существующую ситуацию «мирного сосуществования» двух и более языков, отдельных вариантов одного и того же языка внутри одного речевого сообщества. К таким новым номинациям мы относим термин *polyglossia*, синонимичный ранее известным терминам *bilingualism* и *multilingualism*, а также неологизм *hyperpolyglot*, словосочетание а *polyglot community*.

Неологизм *Englishification* указывает на наличие речевой тенденции к мимикрированию слов других языков под английский, что, вероятно, воспринимается как признак образованности, причастности к современной языковой моде и т.д. Сходное с этим явление – «инкрустирование» речи на родном языке английскими словами и выражениями.

Другим, более официальным новым термином, является *Anglosphere*, который указывает на ведущую роль группы англоязычных стран в решении мировых политических, социальных и экономических проблем, придерживающихся общих законов и объединенных, через язык, общей историей и культурой, отношениями метрополия-колония. Примечательно, что в приведенной ниже цитате подчеркивается интернациональный характер

⁹⁵ <https://dictionaryblog.cambridge.org/2013/09/30/new-words-30-september-2013/> дата доступа 11.11.2018; <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/multicultural-london-english> дата доступа 11.11.2018; <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Multicultural+London+English+%28MLE%29> дата доступа 11.11.2018.

английского языка в этой новой цивилизации без политической структуры и географических границ, который вышел за рамки своего традиционного распространения, и знание которого стало социальной характеристикой:

The Anglosphere, as a network civilization without a corresponding political form, has necessarily imprecise boundaries. Geographically, the densest nodes of the Anglosphere are found in the United States and the United Kingdom, while Anglophone regions of Canada, Australia, New Zealand, Ireland, and South Africa are powerful and populous outliers. The educated English-speaking populations of the Caribbean, Oceania, Africa and India constitute the Anglosphere's frontiers. —James C. Bennett, "An Anglosphere Primer"⁹⁶.

Поскольку становление английского языка как международного происходило и при его выборе в качестве официального или вспомогательного языка различных послевоенных международных организаций и объединений, играющих в настоящее время важную роль в современном мире или в одном из его регионов, в политический дискурс многих языков мира прочно вошли англоязычные названия этих организаций, аббревиатуры: NATO, BRICs, Mint, ASEAN и др. Новые англоязычные реалии стали неотъемлемой частью политической лексики различных языков, в которых они применяются в своей оригинальной англоязычной форме (Brexit, exit poll, caucus) или транслитерируется (ср. русск. брексит (брекзит), экзит-полл, кокус).

Заключение

Анализ современной языковой ситуации в мире показывает, что глобализация, которая вывела в конечном итоге английский язык на доминирующие позиции, в значительной степени определила его современные лингвистические характеристики. Последние свидетельствует о наличии элементов пиджинизации и креолизации в современном международном английском языке. Не случайно, что получившиеся в результате контакта национальных языков с английским варианты обычно называют New Englishes. Сложная история формирования английского языка в условиях контактов с другими языками определила его своеобразие и наличие в нем некоторых характеристик германских языков, латинского и французского языка. Это

⁹⁶ Bennett J.C., "An Anglosphere Primer", Foreign Policy Research Institute, 2001. [Электронный ресурс]. <https://www.wordspy.com/index.php?word=anglosphere> (дата обращения 11.11.2018).

во многом способствовало его интернационализации, в противовес, например, эсперанто как искусственному языку международного общения.

С другой стороны, подобные процессы креолизации наблюдаются и в ряде национальных языков, активно контактирующих в условиях глобализации с английским языком. Как и многие языковые процессы, упрощение элементов языковой системы и гибридизация происходят достаточно медленно, эволюционно, и их последствия будут более точно определены в будущем. Однако проанализированные нами неологизмы, уже зарегистрированные в словарях новых слов, свидетельствуют, что английским языком эти преобразования рефлексированы; идет активный поиск как транспарентных терминологических единиц для обозначения сложной картины языковых контактов в билингвальных или полилингвальных языковых сообществах, так и новых неформальных номинаций этих контактов, их участников, контактирующих языков и диалектов.

Заключение

Монография «Литературоведение и языкознание: современные трансформации и традиции» разработана на основе результатов научных исследований авторов.

Результаты выполненных исследований показали актуальность и своевременность для общества рассматриваемых вопросов в области литературоведения и языкознания. Лингвистика становится не только наукой о языке, но и наукой о человеке, его сознании, языке и культуре. В связи с целым рядом достижений в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, когда накоплено и объяснено значительное количество языковых фактов, наступила пора изменить лингвометодическое сознание, т. е. систему сложившихся стереотипов и взглядов на язык и текст и способы их преподавания. В XX веке наряду с когнитивной лингвистикой появилось ещё одно направление лингвокультурология, основными вопросами изучения которой стали концептосфера русской культуры и языковая картина мира.

В целом, работа отражает научные взгляды на современное развитие литературоведения и языкознаний. Она представляет интерес как для специалистов в области проведения научных исследований, так и специалистов-практиков.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в. : По материалам Международной научной конференции, посвященной 95-летию томской школы русистики / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012, 322 с
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл : логико-семант. пробл. [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – 6-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2009. – 382 с. – (Лингвист. наследие XX века).
3. Атаманчук, Г. В. Управление – фактор развития [Текст] : размышления об управленческой деятельности / Г. В. Атаманчук. – М. : Экономика, 2002. – 567 с. – (Системные проблемы России).
4. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
5. Баранов А.Н. Метафорическая модель и смежные категории (к терминологии теории метафоры) / А.Н. Баранов // Тезисы II Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». – М., 2004. – С. 9.
6. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя / А.Н. Баранов // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.
7. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной лингвистики [Текст] / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии : хрестоматия / Алт. гос. ун-т. ; под ред. В. А. Пищальниковой. – Барнаул, 2001. – С. 95-104.
8. Беляевская, Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. Г. Беляевская. – М., 1992. – 401 с.
9. Бим, И.Л. Концепция обучения второму иностранному языку: учебное пособие. –Обнинск: Титул, 2001.
10. Блинова О.И. Явление мотивации слова. – Томск, 1984.
11. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика [Текст] : курс лекций по англ. филологии : учеб. пособие / Н. Н. Болдырев ; Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2000. – 123 с.
12. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев // Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 16-32.

13. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в терминологии. – М., 1989. – С. 4-43.
14. Гинатуллин М.М. К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц): Автореф. ...дис. канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1986.
15. Головин, С. Ю. Словарь психолога-практика [Текст]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Харвест, 2001. – 976 с. – (Б-ка практ. психологии).
16. Гольдберг, В. Б. Лексика современного английского языка в свете лингвистических парадигм: методы исследования [Текст] : учеб. пособие / В. Б. Гольдберг ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2003. – 92 с.
17. Гухман М.М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку: в 2 ч. М.: АН СССР, 1955. Ч. I. - 163 с.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 8-е. – М., 1981-1982. – Т. 1-4.
19. Дейк, Т. А. ван. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов [Текст] / Т. А. ван. Дейк // Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / сост. В. В. Петрова. – М., 1989. – С. 12-40.
20. Демьянков, В. З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка [Текст] / В. З. Демьянков // Структуры представления знаний в языке : сб. науч.-аналит. обзоров / РАН, ИНИОН. – М., 1994. – С. 32-86. – (Теория и история языкознания).
21. Жаналина Л.К. Номинация как форма речевой деятельности: автореф. ... докт. филол. наук. – Алматы, 1994.
22. Иванова Н.К. Английский язык и его прошлое, настоящее и будущее: гипотезы, теории, прогнозы // Теория и практика преподавания иностранного языка в высшей школе Вып. 14. ИвГУ, 2018. - с. 86-95.
23. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка. М.: Высшая школа, 1976. С. 7-18.
24. Казахско-русский словарь / Под. ред. Х.Е. Кашаганова, Х. Тлемисова, Ш.Б. Бердимуратова. – Алма-Ата: Кайнар, 1967. – 247 с.
25. Калигин, Н. А. Принципы организационного управления [Текст] / Н. А. Калигин. – М. : Финансы и статистика, 2003. – 266 с.
26. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов ; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
27. Карлинский А.Е. Принципы, методы и приемы лингвистических исследований. – Алматы, 2003. – С. 56.

28. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии [Текст] / АН СССР, ИНИОН ; отв. ред. В. В. Петров. – М. : ИНИОН, 1987. – 54 с. : схем. – (Актуальные проблемы прикладного языкознания).
29. Кацнельсон, С. Д. Речемыслительные процессы [Текст] / С. Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 3-12.
30. Качалова К.Н. Практическая грамматика английского языка / К.Н. Качалова, Е.Е. Израилевич. – М.: ЮНВЕС, 2011.
31. Кнорринг, В. И. Основы искусства управления [Текст] : учеб. пособие / В. И. Кнорринг ; Ин-т бизнеса и делового администрирования. – М. : Акад. хоз-ва при Правительстве РФ : Дело, 2003. – 328 с. : ил.
32. Князев, С. Н. Управление: искусство, наука, практика [Текст] : учеб. пособие / С. Н. Князев. – Минск : Армита-Маркетинг : Менеджмент, 2002. – 512 с.
33. Кобозева И.М. Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания / И.М. Кобозева. – М., 2003. – 90 с.
34. Колкер, Я.М., Устинова, Е.С., Еналиева, Т.М. Практическая методика обучения иностранному языку [Текст] / Я.М. Колкер, Е.С. Устинова, Т.М. Еналиева. – М.: Академия, 2000. – 264 с.
35. Колкер, Я.М., Устинова, Е.С. Обучение восприятию на слух английской речи: Практикум [Текст] / Я.М. Колкер, Е.С. Устинова. – М.: Академия, 2002.-336 с.
36. Колыхалова, О.А. Билингвизм и гуманитарное образование [Текст] / О.А. Колыхалова // Иностранные языки в школе. – 2004. – №3. – С. 99
37. Копыленко М.М. Мотивация как фактор развития языка // Русистика сегодня: Инс-т. русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – 1996. – №4. – С. 3-16.
38. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с. : ил.
39. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
40. Кубрякова, Е. С. Язык и знание [Текст] : на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения : роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; РАН, Ин-т языкознания. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 555 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

41. Кулаков, Ф. М. Приложение к русскому изданию [Текст] / Ф. М. Кулаков // Минский М. Фреймы для представления знаний. – М., 1979. – С. 122-144.
42. Кузнецов С.Н. Теоретические основы интерлингвистики. Монография. – М.: Изд-во УДН, 1987. – 207с., с. 34.
43. Курманбайулы Ш. Қазақ лексикасының терминдену үрдісі: Филол. ғыл. докторы дис. авторефераты. – Алматы, 1997. – 55 б.
44. Лазарев, В. В. Теория фрейма: интердисциплинарный подход [Текст] / В. В. Лазарев, Л. В. Правикова // Когнитивная парадигма: фреймовая семантика и номинация : межвуз. сб. науч. ст. / Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2002. – Вып. 1. – С. 3-19.
45. Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование [Текст] / Дж. Лакофф // Язык и интеллект : [сб.] / сост. и вступ. ст. В. В. Петрова ; пер. с англ. и нем. яз. под общ. ред. В. И. Герасимова, В. П. Нерознака. – М., 1995. – С. 143-184.
46. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов [Текст] / Дж. Лакофф // Когнитивные аспекты языка : [сб. ст.]. – М., 1988. – С. 12-51. – (Новое в зарубежной лингвистике ; вып. 23)
47. Лейчик В.М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминологии как ведущей научной дисциплины XX–XXI вв. // Когнитивная лингвистика. – М.: 2007. – С. 124
48. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 358-386.
49. Меркулова Н.Е. Мировые английские»: в поиске адекватной терминологии // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки» 6 (4). Иваново: ИГХТУ, 2015. С. 329-333.21.
50. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика [Текст] /Мечковская Н.Б. - М.: Аспект-Пресс, 1996. — 207 с.
51. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.
52. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 281-304.
53. Муртазина Д.А. Строительная лексика в метафорической репрезентации концептосферы "Человек как биологическое существо" в английском и русском языках Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12-2 (42). С. 119-122.

54. Муртазина Д.А. Строительная лексика в метафорической репрезентации категории формы в концептуальной картине мира носителей английского и русского языков / Д.А. Муртазина // Теория и практика общественного развития. – № 2. – Краснодар, 2011. – 364-367.
55. Муртазина Д.А. Строительная лексика в метафорической репрезентации концептосферы "Общество" в английском и русском языках / Д.А. Муртазина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - № 7-1 (37). – Тамбов, 2014. - С. 131-134.
56. Мухин, В. И. Основы теории управления [Текст] : учеб. для вузов / В. И. Мухин. – М. : Экзамен, 2003. – 256 с.
57. Научные исследования: информация, анализ, прогноз: Монография / (И.А. Балабуев, Е.Л. Берладина, Е.А. Братухина и др.); под общей ред. проф. О.И. Кирикова. Книга 40. – М.: Наука информ; Воронеж: ВГПУ, 2013. – 290 с
58. Нечаева, Л.Т. Японский язык для начинающих [Текст]: учеб. пособие. В 2-х книгах / Л.Т. Нечаева. - М.: Московский Лицей, 2006.
59. Новая философская энциклопедия [Текст] : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; под ред. В. С. Степина и др. – М. : Мысль, 2000. – Т. 3. – 692 с.
60. Новодранова В.Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: Сб. научн. тр. – М.: Рязань, 2003. – С. 83-86.
61. Основы теории управления [Текст] : учеб. пособие / под ред. В. Н. Парахиной, Л. И. Ушвицкого. – М. : Финансы и статистика, 2003. – 560 с.
62. Очакова, С.В. Обучение на билингвальной основе как компонент углубленного языкового образования [Текст] /С.В. Очакова // Иностранные языки в школе. - 2003. - №2. - С. 12-14
63. Очерки по истории народной медицины Казахстана. – Алма-Ата, 1978.
64. Панкрац, Ю. Г. Пропозициональная форма представления знаний [Текст] / Ю. Г. Панкрац // Язык и структуры представления знаний : сб. науч.-аналит. обзоров / РАН, ИНИОН. – М., 1992а. – С. 78-97. – (Теория и история языкознания).
65. Пассов, Е. И. Программа - концепция коммуникативного иноязычного образования [Текст] / Е.И. Пассов. - М.: Просвещение, 2000. - 173с.
66. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 192 с.
67. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.

68. Прошина З.Г., Ривлина А.А. Mock Russian English: шутливо-пародийное использование русского варианта английского языка в странах внутреннего круга // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Изд-во Моск. ун-та (М.), № 3. С. 18-30;
69. Рахилина, Е. В. Основные идеи когнитивной семантики [Текст] / Е. В. Рахилина // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2002. – С. 370-389.
70. Русско-казахский словарь / Под ред. Г.Г. Сауранбаева. – М.: Гос. издат., 1954. – 935 с.
71. Севортян Э. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1974-1980. – Т. 1-3.
72. Силкин Б. Ганза: древний «общий рынок» Европы /Б. Силкин // Знание-сила. — М.: Международная ассоциация «Знание», 1998. — № 1 (847). — С. 102—111.
73. Складьяревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складьяревская. — С.Пб., 2004. – 166 с.
74. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Т.Г. Скребцова. – СПб, 2000. – 202 с.
75. Следников, Б.П., Антоновская, Н.В. К вопросу об оптимизации обучения второму иностранному языку на факультетах иностранных языков [Текст] / Б.П. Следников, Н.В. Антоновская // Иностранные языки в высшей школе. - Вып. 1. — Рязань, 2004. - С. 61-65
76. Степанов, Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
77. Ступин Л.П. Проблема нормативности в истории английской лексикографии (XV-XX вв.). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979. – 164 с., с. 58.
78. Теммерман Р. Теория термина и терминология. 1998. – Т.3-2.
79. Теория управления [Текст] : учеб. / под общ. ред. А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрукхина. – М. : Изд-во РАГС, 2003. – 558 с.
80. Уколов, В. Ф. Теория управления [Текст] : учеб. / В. Ф. Уколов. – М. : Экономика, 2003. – 576 с.
81. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – 1972. – Т.4.
82. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / Под ред. и с предисловием Б.А. Ларина. Изд. 2-е, стереотип. – М.: Просвещение, 1986-1987. – Т. 1-4.

83. Филлмор, Ч. Дж. Дело о падеже [Текст] / Ч. Дж. Филлмор // Новое в лингвистике : зарубежная лингвистика : избр. : пер. с англ., нем., фр. / под общ. ред. В. А. Звегинцева и др. – М., 1999а. – Т. 3. – С. 127-258.
84. Филлмор, Ч. Дж. Основные проблемы лексической семантики [Текст] / Ч. Дж. Филлмор // Новое в лингвистике : зарубежная лингвистика : избр. : пер. с англ., нем, фр. / под общ. ред. В. А. Звегинцева и др. – М., 1999б. – Т. 3. – С. 303-351.
85. Филлмор, Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Дж. Филлмор // Когнитивные аспекты языка : [сб. ст.]. – М., 1988. – С. 52-92. – (Новое в зарубежной лингвистике ; вып. 23).
86. Фреймы-сценарии управленческой деятельности [Текст] : метод. разработ. по курсу «Проектирование АСОИУ» для студентов V курса фак. автоматизации и вычисл. техники / сост. Б. Р. Шегал. – Новосибирск : Новосиб. гос. техн. ун-т, 2002. – 34 с.
87. Фрумкина, Р.М., Михеев А.В. и др. Семантика и категоризация / Р.М. Фрумкина, А.В. Михеев. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
88. Фукидид. История.– М., 1993. – Кн.2. – Гл. 47. – С. 50-54.
89. Харитончик, З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка [Текст] / З. А. Харитончик // Язык и структуры представления знаний / РАН, ИНИОН. – М., 1992. – С. 98-123.
90. Чекулай, И. В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Чекулай. – Белгород, 2006. – 41 с.
91. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (Общие проблемы, метафора): Уч. Пособие / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УрГИ, 2003. – 194 с.
92. Шабров, О. Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития [Текст] / О. Ф. Шабров. – М. : Интеллект, 1997. – 200 с.
93. Шевчук Н. М. Английский язык в Республике Корея // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. №4. С. 1287-1289.
94. Эпизоотологические и инфекционные болезни сельскохозяйственных животных / Под ред. проф. Н.А. Конопаткина. – М.: Колос, 1984. – 543 с.
95. Языкознание : Большой энциклопедический словарь. [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Рос. энцикл., 2000. – 688 с. – (Большие энциклопедические словари).
96. Ярцева В.В. Развитие национального литературного английского языка. М.: Наука, 1969. - 286 с., с. 114.

97. Albert, M. L., Opler, L. K. The bilingual brain: Neuropsychological and neurolinguistic aspects of bilingualism. New York: Academic Press, 1978.
98. Bailey Ch., Maroldt K. The French Lineage of English. Languages en Contact – Pidgiins- Creoles. Tübingen: Narr, 1977. P. 21-53., p. 21.
99. Baker, C. F. The Berkeley FrameNet project / C. F. Baker, C. J. Fillmore, J. B. Lowe [Electronic resource] // Proceedings of the COLING-ACL, Montreal, 1998. – ICSI: International Computer Science Institute / University of California. – Berkeley, 2005– . – Mode of access: <http://www.icsi.berkeley.edu/cgi-bin/pubs/publication.pl?ID=001764>.
100. Boas, H. C. Frame Semantics as a framework for describing polysemy and syntactic structures of English and German motion verbs in contrastive computational lexicography [Electronic resource] / H. C. Boas // Proceedings of the Corpus Linguistics conference. – Lancaster, 2001. – FrameNet / University California Berkeley. – Berkeley, 2007– . – Mode of access: <http://framenet.icsi.berkeley.edu/papers/boasCL2001.pdf>.
101. Bennett J.C., “An Anglosphere Primer”, Foreign Policy Research Institute, 2001. [Электронный ресурс]. <https://www.wordspy.com/index.php?word=anglosphere> (дата доступа 11.11.2018).
102. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <http://dictionary.cambridge.org/define.asp?key=33937&dict=CALD>
103. Canale, M., Swain, M. Theoretical bases of communicative approach to second language teaching and testing // Applied Linguistics, 1980, Vol. 1. Pp. 1-47.
104. Carter, R. Orders of reality: CONCODE, communication, and culture. / B. Seidlhofer (ed.) Controversies in Applied Linguistics. - Oxford: Oxford University Press, 2003. – P. 90-104, p. 97.
105. Chambers dictionary of synonyms and antonyms [Text] / ed. by M. H. Manser. – Cambridge : Chambers Cambridge, 1989. – 405 p.
106. Croft, W. Cognitive linguistics [Text] / W. Croft, D. A. Cruse. – Cambridge, U.K. ; N. Y. : Cambridge University press, 2004. – 356 p.
107. Evans, V. Cognitive linguistics: An introduction [Electronic resource] / V. Evans, M. Green. – University of Brighton. – Brighton, 2006 – . – Mode of access: <http://www.brighton.ac.uk/languages/research/vyvevans/EvansGreenCh1.pdf>.
108. Fauconnier, G. Mapping in Thought and Language [Text] / G. Fauconnier. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 205 p.

109. Fauconnier, G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language [Text] / G. Fauconnier. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 190 p. : ill.
110. Fillmore Ch. Toward a frame-based lexicon: the semantics of RISK and its neighbours [Text] / Ch. Fillmore, T. Atkins // Frame fields and contrasts. – Hillsdab, 1992. – P. 75-102.
111. Fillmore, Ch. Frame Semantics [Text] / Ch. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from the SICOL-1981 / ed. by the Linguistic Society of Korea. – Seoul, Korea, 1982. – P. 111-137.
112. Fillmore, Ch. Frame Semantics for Text Understanding [Electronic resource] / Ch. Fillmore, C. F. Baker // Proceedings of WordNet and Other Lexical Resources Workshop, NAACL, Pittsburgh, June, 2001. – FrameNet / University California Berkeley. – Berkeley, 2007– . – Mode of access: <http://framenet.icsi.berkeley.edu/papers/FNcrime.pdf>.
113. FrameNet II : Extended theory and practice [Electronic resource] / J. Ruppenhofer, M. Ellsworth, M. R. L. Petruck, Ch. Johnson, J. Scheffczyk. – 2006. – FrameNet / University California Berkeley. – Berkeley, 2018– . – Mode of access: http://framenet.icsi.berkeley.edu/index.php?option=com_wrapper&Itemid=126.
114. General R. Koreans are Now Speaking a New Language Called 'Konglish' // Nextshark. 30.09.2016. Режим доступа: <https://nextshark.com/ranpark-konglish/>;
115. Hahne, A. What's Different in Second Language Processing? Evidence from Event-Related Brain Potentials. // Journal of Psycholinguistic Research. 2001, Vol. 30, No 3. P. 252.
116. Jäkel O. Hypotheses Revisited: The Cognitive Theory of Metaphor Applied to Religious Texts / O. Jäkel // metaphoric.de 02/2002. – Pp. 20-42.
117. Jackendoff, R. S. Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution [Text] / R. S. Jackendoff. – Oxford ; N. Y. ; Auckland : Oxford University Press, 2002. – 477 p. : ill.
118. Johnson, Ch. R. The FrameNet tagset for frame-semantic and syntactic coding of predicate-argument structure [Text] / Ch. R. Johnson, Ch. J. Fillmore // Proceedings of the 1st Meeting of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics. – Seattle, 2000. – P. 56-62.
119. Johnson, M. The body in the mind : the bodily basis of meaning, imagination, and reason [Text] / M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 233 p. : ill.

120. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind [Text] / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago press, 1987. – 614 p.
121. Langacker, R. W. Grammar and conceptualization [Text] / R. W. Langacker. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 2000. – 427 p. : ill.
122. Longman Dictionary of Contemporary English [Text]. – 7 ed., with new words supplement. – L. : Pearson Education Limited, 2017. – 1668 p.
123. Kachru, B. B. The alchemy of English: the spread, functions, and models of non-native Englishes. - Oxford: Pergamon Press, 1986. – 200 p.
124. Kachru, B., Smith, L. E. Editorial. - World Englishes, 1985. - № 4, - P. 209–212.
125. Kövecses Z. Metaphor: A practical introduction / Z. Kövecses. – New York: Oxford University Press, 2002. – XVI, 285 p.
126. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners : International student edition [Text]. – Oxford : Macmillan Publishers Limited, 2017. – 1691 p.
127. Multilingual education in practice: Using diversity as a resource. Schecter, S. & Cummins, J. (Eds.) Portsmouth, NH: Heinemann, 2003.
128. Narayanan, S. FrameNet Meets the Semantic Web: A DAML+OIL Frame Representation [Electronic resource] / S. Narayanan, Ch. J. Fillmore, C. F. Baker, M. R. L. Petruck // Proceedings of the Eighteenth National Conference on Artificial Intelligence, Canada, 2002. – FrameNet / University California Berkeley. – Berkeley, 2007– . – Mode of access: <http://framenet.icsi.berkeley.edu/papers/semwebfr.pdf>.
129. Nettle, D., Romaine, S. Vanishing Voices. - Oxford: Oxford University Press. 2000. – 256 p., p. 29.
130. Newmeyer, F.J. Possible and probable languages: A generative perspective on linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2005.
131. Orwell J. Politics and the English language // Horison. Vol.13, Issue 76. April 1946, P.252-265.
132. Oxford Advanced Learner’s Dictionary [Text] / A. S. Hornby. – 5ed. / ed. J. Crowther. – Oxford University Press, 1998. – 1428 p.
133. Pado, S. Towards better understanding of Automatic Semantic Role Assignment [Electronic resource] / S. Pado, G. B. Torrent // Proceedings of the Workshop on Prospects and Advances in the Syntax. – Saarland, 2003. –Computational linguistics and phonetics. – 2007 – Mode of access: http://www.coli.uni-saarland.de/%7Epado/pub/papers/passi03_pado.pdf.
134. Petruck, M. R. L. Frame Semantics [Electronic resource] / M. R. L. Petruck // Handbook of Pragmatics. – Philadelphia : John Benjamins, 1996. –

FrameNet / University California Berkeley. – Berkeley, 2018– . – Mode of access: <http://framenet.icsi.berkeley.edu/papers/miriamp.FS2.pdf>.

135. Proshina Z. Legitimacy of Russian English // *Procedia - social and behavioral sciences*. United States: Elsevier. Vol. 236. P. 201-206.

136. Reframing FrameNet Data [Text] / M. R. L. Petruck, Ch. J. Fillmore, C. F. Baker, M. Ellis, J. Ruppenhofer // *Proceedings of The 11th EURALEX International Congress*. – France, 2004. – P. 405-416.

137. Roget's Thesaurus of English words and phrases. [Text] – New ed. / ed. by B. Kirpatrick. – L. : Penguin Books Ltd, 2000. – 810 p.

138. Sachs, M. G. Enhancing Machine Translation via Frame-Semantic Data [Electronic resource] / M. G. Sachs. – 2004. – Zevils.com. – Mode of access: <http://www.zevils.com/~matthewg/writings/school/Sachs-FrameTranslation.pdf>

139. Schalley, A. C. Cognitive modeling and verbal semantics : A representational Framework based on UML [Text] / by A. C. Schalley. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. – 446 p. – (Trends in linguistics : studies and monogr.).

140. Schank, R. C. Dynamic memory revisited [Text] / R. C. Schank. – 2nd ed. – Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press, 1999. – 302 p. : ill.

141. Schank, R. C. Reminding and memory organization: An introduction to MOPs [Text] / R.C. Schank // *Strategies for natural language processing* / ed. by W.G. Lehnert, M. H. Ringle. – Hillsdale, N. J. ; L., 1982. – P. 455-493.

142. Schank, R. C. Scripts, plans, goals, and understanding : an inquiry into human knowledge structures [Text] / R. C. Schank, R. P. Abelson. – Hillsdale, N. J. ; L. : Erlbaum Associates ; N. Y. : Distributed by the Halsted Press Division of John Wiley and Sons, 1977. – 248 p.

143. Schank, R. C. Tell Me a Story : A New Look at Real and Artificial Memory [Text] / R. C. Schank. – N. Y. : Scribner, 1990. – 253 p.

144. Seidlhofer, B. The VOICE of ELF – English as a Lingua Franca. What's New? Autumn/Winter, 2004, P. 8-9.;

145. Seidlhofer, B. English as a lingua franca in the expanding circle: What it isn't. // R.Rubdy; M.Saraceni (eds.). *English in the World: global rules, global roles*. London: Continuum, 2006, P. 40-50.;

146. Seidlhofer, B. Corpora and English as a lingua franca. //K. Hyland; M. H. Chau; M. Handford (eds). *Corpus Applications in Applied Linguistics*, 2012, P. 135-149.

147. Seidlhofer, B. Research perspectives on teaching English as a lingua franca. *Annual Review of Applied Linguistics* 24, 2004, P. 209-239.;

148. Shiffrin, R. M. Modelling memory and perception [Text] / R. M. Shiffrin // *Cognitive science*. – 2003. – № 27. – P. 341-378.

149. Strevens, P. English as an International Language. // B. Kachru (ed.), The Other Tongue: English Across Cultures (2nd ed.). - Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1992. – P. 27–47.
150. Taylor, J. R. Introduction: New directions in cognitive lexical semantic research [Text] / J. R. Taylor, H. Cuckens, R. Dirven // Cognitive approaches to lexical Semantics. – Berlin, 2003. – Vol. 23. – P. 1-3. – (Cognitive linguistics research).
151. The Penguin dictionary of English synonyms and antonyms [Text] / ed. by R. Fergusson. – L. : Penguin books, 1992. – 442 p.
152. Webster’s Third New International Dictionary of the English Language [Text] : Unabridged : in 3 vol. – Chicago : Merriam-Webster, 1993.
153. Webster's new world dictionary of synonyms A guide to distinguishing synonyms [Text] : ov. 4000 synonyms explained and differentiated: Includes antonyms Kent, Ruth Kimball. – N. Y. : Simon and Schuster, 2007. – 255 p.
154. Weiss E.H. The Elements of International English Style. Armonk: ME Sharpe, Inc, 2005. — 157 p., p.6.
155. <https://dictionaryblog.cambridge.org/2013/09/30/new-words-30-september-2013/> дата доступа 11.11 2018;
156. <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/multicultural-london-english> дата доступа 11.11.2018;
157. <https://www.univie.ac.at/voice/> дата обращения 10.11.2018)
158. <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Multicultural+London+English+%28MLE%29> дата доступа 11.11.2018.
159. <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/pidzhini/?q=486&n=2226> (дата обращения 10.11.2018)

Сведения об авторах

Бейсенова Жайнагуль Сабитовна д.филол.н., профессор ЕНУ им. Л. Гумилева

Дрыгина Юлия Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент,
Белгородский государственный научно-исследовательский университет

Иванова Наталья Кирилловна

доктор филологических наук, зав.кафедрой
иностранных языков и лингвистики, Ивановский государственный химико-технологический университет

Лякина Елена Владимировна

преподаватель кафедры иностранных и
русского языков РГВВДКУ имени Маргелова

Меркулова Надежда Евгеньевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвистики, Ивановский государственный химико-технологический университет

Муртазина Диляра Ахнафовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, НХТИ ФГБОУ ВО КНИТУ

Подрез Валерия Игоревна

учитель МБОУ ООШ № 34, г. Белгород

Электронное научное издание
сетевого распространения

Литературоведение и языкознание:
современные трансформации и традиции
монография

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN 978-5-907072-50-3

9 785907 072503

Усл. печ. л. 5.9.

Объем издания 8,3 МВ

Оформление электронного издания: НОО

Профессиональная наука, mail@scipro.ru

Дата размещения: 30.11.2018 г.

URL: <http://scipro.ru/conf/monographlanguages2.pdf>